

СМЕНА

19
1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВОСЕМЬ ЛЕТ БОРЬБЫ И ТРУДА

1 октября китайский народ празднует восьмую годовщину своей народной республики. В могучем лагере социалистических государств шестисотмиллионный китайский народ представляет великую силу.

Полуколониальная в прошлом страна, находившаяся под политического стяга шагнула далеко вперед. Китай, явившийся всегда рынком сбыта для концернаторов, эксплуататоров из Европы, особенно англичанским, американским, японским капиталом, превращается сейчас в мощную индустриальную

державу. Страна, никогда прежде не имевшая своей тяжелой промышленности, ныне выпускает отечественные автомобили, самолеты, тракторы, танки. Самоуверенная, независимая держава с пятизвездным флагом радует своими величиями успехами всех трудящихся.

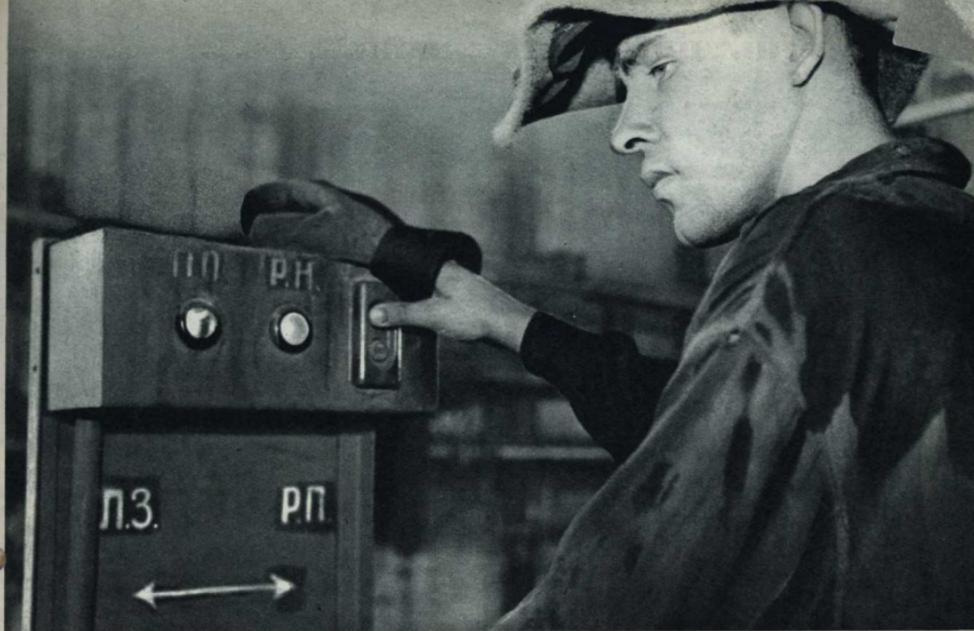
Китайцы, следуя примеру нашей Родины, отмечающей в этом году юбилей Октябрьской революции, показали всему миру, что может сделать народ, взявший власть в свои руки.

Скоро наujący вес приобретает Китайская Народная Республика в международных делах. Исторически Китай — одна из великих держав мира — до сих пор не принят в Организацию Объединенных Наций и не имеет права на участие в международной встрече проходит без участия китайских делегаций.

Еще свежи в памяти дни VI Все-

мирного фестиваля, когда юность мира, собиравшаяся в Москве, руководила китайской молодежи. Свежи в памяти те замечательные досуги, когда китайские ребята, китайские девушки, тяжело пахнущие бегуны на III дружеских спортивных играх. Китайские артисты, художники, скульпторы участвовали во всех международных конкурсах, посвященных VI Всемирному фестивалю. Китайские участники международных спортивных игр и китайские фотографы. Из 3125 фотографий, представленных на конкурсе за звание «лучшего фотографа», международном журнале наградило и фотографии китайских авторов. Китайские фотографии публиковались в фотографии Ли Шу «Крестьянин поэт Ван Ло-цзе читает стихи», удостоенного бронзовой медали на международном конкурсе фотографов.

Материалы о Китае см. на стр. 20, 21 и 22.

Идет предоктябрьская сталь!.. Десятки скоростных плавок, сотни тонн сверхплавного металла — вот трудовой подарок молодого сталевара «Электростали» Н. Шибаева великому празднику.

Фото П. Кунова.

ПОД ВЕЛИКИМ ЛЕНИНСКИМ ЗНАМЕНЕМ

7 ноября советский народ будет отмечать сороковую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, которая повергла старый строй, основанный на эксплуатации и угнетении, и открыла новую эру истории человечества.

С гордостью называют этот день винами в истории власти взяли в свои руки люди труда. Народ, уничтоживший власти эксплуататоров, приступил к строительству нового, светлого, еще неизвестного мира.

Сорок лет! Для жизни одного человека — певчий большой. Для истории государства — очень мало. Но для всего человечества многое было сделано! Под великом ленинским знаменем наш народ — создатель построения социализма и универсализма — идет и идет к коммунизму.

Объем промышленной продукции в 1957 году превышает уровень 1913 года в 33 раза. При этом производство средств производства и сельскохозяйственных машин в 74 раза. Особенно быстрыми темпами развивается советская машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность, объем продукции которой возрастает в текущем году по сравнению с 1913 годом в 200 раз!

Благодаря героическому труду советского люда, под руководством партии и КПСС, под руководством Коммунистической партии, наша страна стала одной из самых экономически мощных держав. Вместе с тем, в 1957 году Советский Союз поднялся с 2–3 процентов в 1917 году примерно до одной пятой в настоящем времени по объему промышленной продукции, вышла на первое место в Европе и на второе — в мире.

Коренным образом изменилось наше сельское хозяйство. Вместе 25 миллионов Малых кресть-

янинских хозяйств, имевшихся в СССР на конец коленоизваний, ныне существуют крупные индустриальные предприятия, передовые предприятия техники. На их вооружении 1577 тысяч тракторов (в пересчете на 15-сильные), 385 тысяч автомобилей, 631 тысяч грузовых, 1500 автомобилей коммюнико, других специальных машин. Посевные площади ныне выросли по сравнению с 1913 годом более чем в пять раз.

Социализм открыл широчайшие возможности для неуклонного роста материального и культурного уровня жизни народа. На опубликованной в 1957 году Отчетной программе агитации ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «В коронационный год Великой социалистической революции» приведены многочисленные цифры и факты, рассказывающие о том, как год от года лучше, быстрее, ярче звучат эхо голосов советских людей. Для Коммунистической партии, для партии, основанной великим Лениным, нет выше цели — забота о благе человека. И все, что делается в стране, делается для человека, по имена человека.

Знаменательную годовщину — сорокалетие Октября народ нашей страны, строители и строительные новаторы, строители мира, социалистического труда. Отвсюду из городов и сел идут радостные вести об успехах участников предстоящих соревнований. Всего за труженниками старшего поколения на вахте стоит моло-

дежь! Однако просуществует он, вероятно, недолго: стрители доменной печи № 2-Бис на заводе «Стали» в городе Свердловске разшили обогатительные, заключенные в еще более нороткий срок. К 7 ноября новая доменная печь первый чугун, хороший по родине! Родине!

Горячо участвуют в соревновании воронежские горняки, выступившие со славой бригады Героя Социалистического Труда Николая Мазая. Она предложила, чтобы каждый забойщик добывал тонну угля сверх нормы. На конец соревнования горняки добывали тысячу тонн горной массы. В результате страны получила более 320 тысяч тонн сверх плана.

Свердловские конструкторы и машиностроители решили досрочно выпустить уникальный агрегат для венчуральной промышленности Урала. Это — гидроагрегат для горной машины, высотой с пятиэтажное здание. Работники Уралмаша самоотверженно трудятся, чтобы успешно завершить соревнование.

В ходе предпраздничного соревнования волжане немало новых интересных начинаний. Среди них были и соревнования новаторов-молодых рационализаторов и изобретателей, посвященный сорокалетию Октября. За несколько месяцев число молодых новаторов здесь выросло вдвое. Всего за соревнование 1500 изобретений и усовершенствований даст стране более 100000 рублей годовой экономии.

Сообщество молодых инженеров, молодежи, сорвавшуюся в честь великого праздника, поступают на Харьковский и Новосибирский, из Баку и Азербайджана из Рязани и Воронежа. Вместе с тем, своим, своими рабочими руками крепят молодые патриоты могущество любви Родины — оплета мира и социализма.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Октябрь. № 19. 1957 год.

Год
издания
34-й

В степь приходит жизнь

Фото Б. Рябинина.

Вглядитесь в этот снимок. Десятки людей впряжены в телегу. Там, где первобытным способом в 1902 году строилась Кампир-Раватская плотина.

В наши дни сотни машин почти полностью заменили ручной труд на стройке оросительных каналов в Голодной степи.

Голодная степь.
Кто не читал в учебниках географии, кто не был в прошлом эта вымощенная солничем, мертваземлью! Не одно поколение тружеников мечтало покорить ее, наполнить земель, в которых вода стояла, оставалась такой же голой и дикой. Только Советская власть дала на-

роду великую силу, способную преобразовать эту бесплодную пустыню в землю.

Еще в 1918 году Владимир Ильич Ленин, думая о будущем, немечавшие планы социалистической страны, ввел в бюджет об ассигнованиях 50 миллионов на орошение Голодной степи. Это было

начало широкого наступления на безжизненные, ветром лекавшие не земли степи.

На горе Советской власти трудащиеся Казахстана и Узбекской республики, основав на Голодной степи пять из 200 тогдашних колхозов, заселили землю, создали десятки колхозов, машинно-тракторных станций, соцгородов. Туда, в ту сторону раскинулись хлопковые поля, заселены сады, поднялись дома новых поселений. Год назад Комитета партийного и хозяйственного правительства принял решение о дальнейших грандиозных работах

по освоению и орошению целинных земель Голодной степи. Здесь будут созданы Центрально-Чуйский и Южно-Городненские канальи. Они направят воду в широчайшую оросительную сеть, в степные просторы. На территории Казахстана предстоит открыть четыре новых союзхоза и десятки хлопконосецтвенных залогов. Их будут новые железные дороги, автомаршины высоковольтных передач. Предстоит освоить и орошить 150 тысяч гектаров земли. Каждый год здесь на новых полях 320—340 тысяч хлопка-сырца ежегодно.

Вода — это жизнь. Мощные дизельные насосные станции гонят воду на хлопковые поля совхозов Голодной степи.

Когда вырастет этот малыш, он с гордостью будет называть себя весенним городом.

Комиссия Узбекистана направила на новые стройки в Голодной степь первые отряды молодых геологов, инженеров, почвоведов, агрономов, медиков. Весной из различных стран из братских республик поступают письма молодых патриотов с просьбой направить их на работу в Голодную степь. Уже спустя два года, растет юный город Янги-Ер — центр целинных земель Голодной степи. Рабочие, инженеры, строители от Ташкента до Самарканда днем и ночью гудят мощные автосамосвалы, рабочие, разнорабочие, инженеры, бульдозеры, сироперы.

Пройдет немного времени — и Голодная степь станет «Золотым зерном земли», хлеба, долиной цветущих садов и пастбищ. И новое имя даст этой степи советский человек: он назовет ее цветущей страной — Гулистаном.

— А ведь не так давно на месте этого виноградника была голая, вишневая сопка, почти пустыня, — рассказывает шиншильница садовой колхоза Ибрагим Рахманбэди.

На новые пастбища, отвоеванные у Голодной степи.

К. ВАЧНАДЗЕ,
специальный корреспондент «Смены»

НАЧАЛО НАСТУПЛЕНИЯ

На долину Арамага спускается вечер. Солнце вот-вот скроется за отрогами Саянских хребтов. Его последние лучи садятся на бревенчатые домики и окрашенные темно-бурой краской полевые загончики, на длинный ряд выстроившихся в одну линию комбайнов. А кругом — неизбранные, теряющиеся в закатном мареве поля. Здесь, в 60 километрах от железной дороги Абакан—Ачинск, расположено самое отдаленное, четвертое отделение совхоза «Борец».

Главный инженер-механик комсомолец Дауд Благоев, высокий смуглый адыгеец, переходит от комбайна к комбайну, придерживаясь палоками, чтобы пройти по острым краям колес. Он проверяет состояние техники. Иван Кричченко, один из первых новоселов совхоза, крахмалист, погружен в работу, не замечает, что у машины № 01840. Он спонсует: его комбайн давно приведен в порядок, у Кричченко хватило времени и сил, чтобы отремонтировать еще один агрегат. Ожидая оценки комбайна, комбайнер рассказывает обступившим его механизаторам-новичкам о том, как два года назад он и его товарищи из 6-й комсомольско-молодежной бригады поднимали здесь первые пласти целинной земли.

— Ничего! ни кола, ни дверя — кругом так.. ..убывает оно — А начинай мы так...

Их было 136 — юноши и девушки, приехавшие в Ширинский район по путевкам комсомола из Красноярска и Абакана. Но легкая выпала им задача — на пустынных гористенных просторах Хакасии создать мощные зерносовки, поднять тысячи гектаров земли не паханной.

Старт был в 1955 году. На Кавказе и в Средней Азии уже полны ягоды шли весенние полевые работы, а тут, в центре Юго-Восточной Сибири, над опаленными жестокими морозами равнинами бушевали злые ветры, рождавшиеся на вершинах Западного Саяна. Не удивишь сибиряков холода, но и для них нелегкими оказались морозы и бураны Хакасии. Вот когда узнали новоселы, что такое резко континентальный климат хакасских степей, где лето жаркое, но короткое, а средняя температура января — минус 49 градусов.

Среди молодежи из комсомольскими путевками были люди разных специальностей и профессий — трактористы и плотники, комбайнеры и шофера, столяры и токари. Но все они на первых порах превратились в строителей. Голая, безлюдная лежала кругом степь. Толь-

ко невысокие деревянные кольши указывали направление будущих улиц центральной усадьбы.

Поселились в палатах и небольших загончиках. Каждому нашлось место. Надо было построить настоящее жилье, подогнать к штурму целины технику. А она все прибывала и прибывала. На станции Ширя непрерывно гудели тракторы. По помостам, склоненным к кедровым и листеническим, сползали они с железнодорожных платформ и без остановки, преодолевая бездорожье, выдвигались на исходные рубежи наступления на целину. Такие рубежи было четыре. Они явились спорными пунктиками будущих отделений нового совхоза гордым называнием «Борец».

Ватные куртки, валенки и рукавицы слабо защищали от жгучего мороза. Семибалльные ветры срывали пальто и крыши с вагончиков. Плою было с водой, и хватало топлива: тайга стояла деловато... Но перечислить всех трудностей тут незабываемы дней, вошедших в историю страны, в историю комсомола яркой, героической страницей!

Коммунист Федот Ананьевич Карапинцев, назначенный бригадиром 6-й комсомольско-молодежной тракторной бригады, внимательно приглядывался к людям, прикидывая, как лучше расставить силы во время решавшегося штурма целины. Прошел март, за них апрель, а все еще по-зимнему хрюкалось небо, не отпускали морозы. Долго не позволяла погода начать атаку, в которую так рвась молодежь. Но наступила наконец радостный день — с юга, из далекой Тулы, где рождается большая Енисей, пришла весна. И тогда одна за другую легли на целинных пространствах первые борозды.

Круглые сутки шло наступление. Сменяя друг друга, трактористы освивали глухие, не обитые человеческим местами. Ночью в ярких лучах фар иногда мелькали то лиса, то заяц, то гуран — так называют в Хакасии дикого козла. В ту пору в совхозе спали урывающимися на ходу.

Крепко поработал тогда Кричченко. Да разве он один? В те дни пришла трудовая слава и к Ивану Мельникову, и к Никуфору Землянину, и к Лидии Фурса, и ко многим другим новоселам, имена которых сейчас произносятся здесь с уважением.

А среди бригад лучший — и не только в совхозе, но и в стране — оказалась 6-я комсомольско-молодежная. Взятые обязательства она перевыполнила, отлично провела пахоту

и сев, завоевав первенство во всесоюзном соревновании соревнований. Переходящий Красный знамя ЦК ВЛКСМ и Министерства сельского хозяйства Союза ССР увенчал это победу, и каждый из 45 механизаторов бригады Федор Карапинцева был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и медалью отличника соревнований земледелия промышленности.

В полную целинную весну совхоз засеял 14 439 гектаров. Осенью страна получила с этой площади 120 407 центнеров зерна. Земля, которую с таким энтузиазмом пробудили к жизни юные покорители целины, отблагодарила их богатым урожаем.

Теперь надо было расширять завоеванный плацдарм. И следующей весной «Борец» засеял свыше 26 тысяч гектаров.

ДЕЛА И ЛЮДИ СОВХОЗА

Долго ходили пионеры по центральной усадьбе. Издалека, из Курагинского района, приехали они в совхоз «Борец» на экскурсию. Много интересного увидели ребята, но скончанию скромных отпечатков, произведенных на них новая школа, которой детвора совхоза недавно отпраздновала начало нынешнего учебного года.

И в самом деле, целинники вправе гордиться своей двухэтажной школой с большими, светлыми классами, широкими коридорами, просторным спортивным залом. Рядом со школой строится еще одно каменное здание — клуб, рассчитанный на 250 человек. Чуть подальше этого летом вырос дом, где разместится детский сад...

Когда автобус, курсырингий теперь для разъездов между железнодорожной станцией Ширя и совхозом, подъезжал к центральной усадьбе, трудно поверить, что в далеком краю раскинулся поселок, в котором более 100 жилья домов много капитальных хозяйственных постройок. И стрижка все продолжалась. Большая, глубокая траншея протянулась через поселок — зимой дома новоселов получали центральное отопление. Уже начата прокладка водопровода. В этом году будет закончено сооружение гарнажа, механической мастерской, птицефабрики. Впереди строительство болыничного города, электростанции, детских яслей. А ведь это только на центральной усадьбе! Десятки больших и малых помещений предстоит воздвигнуть в отдалении.

«Разве можно оставаться в стороне от всенародной борьбы за увеличение производства мяса, молока, масла, эндивия, говядины, бородавки, на постепенное присоединение коровинок, сенокосов, тепличных, птицефабрик. Через три года станица совхоза увеличится до 35 тысяч овец (сейчас их 8 500), до 2 100 голов крупного рогатого скота, до 2 200 свиней. А птицефабрика на 40 тысяч несущих уже в следующем году бу-

Юре Милинну шестнадцать лет. Но он уже опытный штурвальный.

дет давать ежедневно вагон яиц. Большие паны, высокие темпы роста, широкие перспективы...

Как всегда, залогом осуществления этих планов являются воля, мужество, повседневный геройзм тружеников, тех, кто чувствует себя не временным, сезонным работниками на целине, а ее постоянными жителями.

Нет, не желает Поликарп Иванович Шмаков, в недавнем прошлом преподаватель математики в старших классах средней школы № 104, что переменился профессию. С тех пор сюда весной 1955 года он приобрел собственную специальность — трактористом стал трактористом и во время подъема целины не отставал от опытных механизаторов. Союз премировал его ценных подарком, послал на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. В декабре минувшего года Шмаков, награжденный орденом Трудового Красного Знамени, был выдвинут на должность заместителя директора совхоза.

На улице, которую называют здесь улицей Первых новоселов, стоит и дом Шмакова. Рядом с ним живут механизаторы труда, отмеченные высшей степенью ордена Ленина. Это уроженцы села, комсомолец Иван Крикунин, Никонор Землянников, Иван Мельников. Помогая друг другу, на суду, отпущенное государством, они построили себе дома, обзавелись хозяйством. Есть теперь у них и коровы, и свиньи, и птица.

Неподалеку отстроился токарь Александр Зотин и шофер Вениамин Бердышиев. Это тоже знатные люди села, скромные и трудолюбивые мастера своего дела. Внесенные Зотиным рационализаторские предложения широко применяются в механической мастерской. Машин Бердышиева не знают простоты и поломки, всегда готовы к работе в рабочий час.

А вот еще один дом. В нем живут Лидия и Петер Фурсы. Как им трудно приходилось на первых порах на целине, молодость брала свое... уже в те дни во многих юных сердцах зажглись искры хорошей, большой любви. Так поженились комсомольцы Фурса, Тамара и Георгий Ковалевы.

Лидия Фурса — одна из лучших трактористок совхоза, депутат Красноярского краевого Совета. Тамара Ковалева — комбайнер, а Георгий руководит знаменитой 6-й бригадой скотомолоедской бригады. Протектор бригадир Карл Шмидт. Протектор телефона в райсовете, но из-за него механизаторы не сдают темпов: по итогам весенне-посевной этого года они вновь завоевали первенство во всесоюзном соревновании скохозных тракторных бригад.

Подобно десяткам тысяч деревень, посаженных молодежью на улицах центральной усадьбы, крепкие корни пустились на целине новоселов. Здесь у Мельникова, Зотина, Землянухи, Бердышиева народились дети. Прочно осели эти люди, и свою личное благополучие видят в дальнейшем расщеплении, ставшего для них родным. Знают этот факт, кто трудится честно: находит поддержку у старшего справедливого директора, Карла

Шмидта. Этот невысокий, худощавый человек быстро завоевал сердца целинников. Он приехал в «Борец» весной 1956 года, когда шла подготовка к севу. Редко можно было застать Шмидта в кабинете. Он все время находился в отделениях совхоза, там, где решалась успех посевной. Трехбоятное проверяло готовность каждого агрегата, Карл Генрикович обнаруживал такие знания, техники, что даже бывалые трактористы разводили руками.

Тогда еще не знали, сколько, что новый директор юного села встал не одну сотню гектаров. Бессмыслица парнишкой по путевке комитета взаимопомощи крестьян-бедняков Шмидт окончил курсы трактористов. Тракторист, бригадир тракторной бригады, главный агроном крупного хакасского селецово-саха, директор совхоза «Борец» — таков путь этого коммуниста, замечательного организатора и практика сельскохозяйственного производства, которому весной нынешнего года присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Неуклонно идет в гору ныне знаменитый на всю страну сибирский совхоз «Борец». Недаром он широко представлена на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. 175 миллионов рублей потратило государство на его сооружение. А за первые два года своего существо-

Владимир КАНЫГИН

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Домой возвращаясь с войны в сорок пятом, Спешил я к деревне проселком знакомым. Под вечер мне встретились в поле ребята, И я эту встречу надолго запомнил.

Босые, веселые, в рынках веснушках, Вселяли они спор, словно взрослые люди. И вдруг без команды к вкладам

Взметнулись ручонки в прыжком салоте. Подбросили к выпоте ладонь за три шага, Проворствовал я их согласно Уставу. Со звоном победным медаль «За отвагу» Коснувшись солдатского ордена «Славы», Шептались они за спиной восхищенно О том, что, дескать, сранакся

бесстрашно...

Ребячным восторгом немного смущенный, Я вспомнил, что так же завидовал старшим. Мне тоже казалось: мое поколение На свет появилось на землю отщеплен. Родители были сильны, остыльны, сражением, И мы тоже мы ютились, как в готовое здание. Нам двери открыли приветно школы, Пылали кости пионерской летом, Встречал, как друзей, нас рабочий

комсомола.

Но нам было болко, что в наших анкетах Не значилось поисков, дерзких разведок, Боец под Царыцином, под Уфой, Суровой борьбы наших славных комбатов, Бессонных и трудных ночей Днепровской. Завидовал я им, Тракторный строил, Давал им Магнитске тракторную плавку. И помню: из всех мне известных героев Всем сердцем любил я Корчагина Павву. Как часто в мечтах я бродил в Шепетовке, Влады от родного землянки края! Такой же, как Павва, отважный и ловкий, Спасал я от смерти матроса Жукаря. Оставил один в нашем маленьком доме, Как взрослые, шагами я команту мерили. И вместе с Корчагиным город Житомир Беспощадно врывался на путь карьеры. Мы думали много, но больше мечтали: Такое в кончики общее свойство...

Тяжелые дни в нашей жизни настали,

И Родина всех нас призвала к геройству. Оставьте к школы и книги надолго, Мы прямо из тихих и солнечных классов Шагали пехотой по пыльным дорогам, Поплы по холодному снежному наступу. Мы быстро узнали всю тяжесть атаки, Привыкли к зловещему лизгу железа. Ровесники наши броились под танки И на смерть в бросок с первого разъезда. На Волге кипела вода из сарая, Горели деревни и села Половинка.

Мы насмерть стояли у стен Стalingрада — И араг был в жестоких боях уничтожен. Мы с совестью чистой прошли через грозы, Мукали и крепали от боя до боя.

И рядом с Корчагиным встали Матросов, Олег Кошевой и разведчик Зоя.

...Магаз рукины, отчаянно споря, Уши ребятишек, взлюпанные встречей.

И долго я видел: пышненое море Волной золотистой ласкало их плечи. Смотрел я им вслед и впервые, быть может, Был рад величайшему радостью в свете:

Я мир отстоял, чтобы здесь, по Заволжью, Шагали под солнцем счастливые дети. А то, что завидуют хлыпцы герои, Так это и с нами бывало в их годы.

Им многое взлесть предстоит еще в бою В жестокой борьбе с неконкой природой. Весь мир, от песчинки до звездных

галактик,

Ждет новых открытий и новых дарзаний. И, как никогда, нужен твердый характер, Железная воля, отвага и знания.

Я очень хочу — это право солдата, — Чтоб путь их отныне был в жизни отмечен Заринцами: домен, цветением сада И песни на всех языках и наречьях.

А если враги, что грозят нам войною, В будущем поставят последнюю ставку, Я верю:

Мальчишки, что встретятся нынче со мною, Достойными будут Корчагина Павки. г. Горный.

ствования совхоза сдал продукции на 18,5 миллиона. История этого высокотехнологичного хозяйства, созданного рукими молодежи по воле партии, — замечательный ответ маловерам, сомневавшимся в рентабельности освоения целинных и залежанных земель.

ВОЗРОЖДЕННАЯ СТЕПЬ

Половка тому назад русский писатель-народник С. Я. Ершевский писал о хакасской степи:

«Всё могильы, могильы!... От Саянских гор, что полукругом обрамляют широкую степь до темных гор, сияющих, ве с севера, на солнце вертятся нескончаемые вееринцы тундры десятки тысяч могильников...

Могильные камни, заросшие травой, огромные просительные камни, засыпанные землей шахты и подземные ходы для добывания меди, серебра и золота да таинственные письмена, начертанные на высоких скалах, угрюмо нахинувших над Енисеем, где летают только орлы, — вот все, что осталось от могучего народа...

Тиха и мертвата огромная Абаканская степь... Но может, автор несвойственной струны прислушался бы к звуку, основанию, чтобы ма-риносить такую мрачную картину. В прошлом Хакасия являлась одним из самых гаухих уголков Сибири. Древний, богатый и могучий некогда хакасский народ, жестоко угнетавший

царским самодержавием, вел полуголодную жизнь кочевников-скотоводов и охотников, был обречен на вырождение. До самой Октябрьской революции, как и во времена Ермака, платили хакасы русскому царю ясак собольими, белыми, лисьими шкурками и деньгами. Плодородные земли Хакасии, на территории которой могут разместиться Бельгия и Голландия, вместе взятые, оставались пустыньями.

И вот сюда пришла новая, советская жизнь, тумная, полная и смешная, какого-то предвестника. Среди яблонь Павлович Чаков, Народный бургомистр восходящей страны, никто не назовет сейчас хакасскую степь яхкой и мертвой: на необ垦ных полях колхозов и новых целинных совхозов шумят трактора и комбайны. Прошло то время, когда конь был единственным средством передвижения в этих местах — сотни автомашин мчатся по уходящим вдаль вольным степным дорогам. Яблоневые и вишневые сады цветут над Абакином. Огромные, небывалые тучные стада овец гулят глах скотоводов.

Житинки Сибири становятся Хакасия. Ми-лионы пудов этажинчины, выраженная новоселами целинных совхозов, дает она Родине. Союз «Борец» — Ширинского района, Хакасской автономной области.

Красноярский край.
Союз «Борец» —
Ширинского района,
Хакасской автономной области.

ВЕЧНО ЖИВОЙ

Выступление В. И. Ленина на Дворцовой площади в Петрограде на митинге, посвященном открытию II конгресса Коммунистического Интернационала.

Фото К. Булла.

«Мы говорим — Ленин, подразумеваем — партия большевиков, партия подразумеваем — Ленин», — вдохновенно писал Малюковский. Ленин и партия коммунистов, Ленин и революция, Ленин — погребение национального организатора партии большевиков, Ленин — вонды Великой Октябрьской социалистической революции, Ленин — основатель первого большевистского рабочего краеведческого музея, которому в нынешнем году исполняется 40 лет».

Вечно живой, родной и близкий... Вот он выступает на Дворцовой площади в Петрограде на митинге, посвященном открытию II конгресса Коммунистического Интернационала. Вспомним, как делегаты конгресса, представлявшие почти все страны мира, горячо приветствовали ликомного вождя и учителя человечества, тот размахенный выступ звучит ярко передают скучные страницы ремарки, с которой начинается стеноографический отчет донесений о работе конгресса в Петрограде и Гаврическом дворце: «Шумная овация. Весь зал встает и аплодирует. Оратор пытается говорить, но аплодисменты продолжаются на всех языках и продолжаются. Овация длится долго».

А это сцена на одном из заседаний того же конгресса. Владимир Ильич — весь винтажное. Он что-то записывает в блокнот, не замечая, что сидящий рядом художник И. И. Бродский рисует его портрет.

Фотографам удалось запечатлеть Владимира Ильича беседующим с Е. Д. Стасовой, наследницей знаменитого художника парад войск Всевобуча 25 мая 1919 года.

Каждый снимок, сохранившийся с тех дней, передает некую живые, волнующие штукатурки японской жизни.

Известные советские артисты, в том числе Борис Шукин, созданный впереди времени на сцене, в своем величественном обличье Владимира Ильича во время работы над ролью не один раз приходили в Институт марксизма-ленинизма, чтобы нарисовать по умным фотографиям бессмертный облик самого человеческого человека».

Более 100 фотографий Б. И. Ленина, публикуемых в этом номере журнала, относятся к числу малоизвестных. Все они сделаны с негативов, хранящихся в уникальном фонде марксизма-ленинизма. Фотодокументов Института марксизма-ленинизма.

На одном из заседаний II конгресса Коммунистического Интернационала. Художник И. И. Бродский рисует портрет Владимира Ильича.

Фото К. Булла.

Незабываемые встречи

В. И. Ленин и венгерский коммунист Тибор Самуэли (справа) на Красной площади во время парада войск Всеобуча (25 мая 1919 года).

Летом 1915 года меня, четырнадцатилетнего парнишку, вместе с другими ребятами привезли из Варшавы в Петроград. Нас определили в детский приют на Полозовой улице. Казак-инвалид, выполнивший в притоне обязанности воспитателя, провел нас в темную комнату с грязными обоями.

— Вот здесь будите жить! — сказал он. — А учиться — на втором этаже. Спать — по звонок, вставать — по звонку. На улицу без разрешения не выходите, на прогулки и в церковь — только строем...

Так началась моя самостоятельная жизнь. В притоне я подружился с ребятами, многие из которых были старше меня. Вечерами они затевали споры, чаще всего на религиозные темы. Для меня эти споры не проходили бесследно: понемногу я теряя веру в то, что мне, ребенку, вдевали в голову. Старшие товарищи, особенно братья Дроздовские, Нетовский и Кобок, много говорили о трудной доле рабочих, корыстах за малейшие «привилегии» отдававших в солдаты, о том, что на улицах с каждым днем все больше и больше инвалидов войны.

Такие разговоры стали особенно частыми и подобными, когда Невинский, которому исполнилось восемнадцать лет, поступив работать на один из военных заводов. Почти каждый вечер он заходил в наш притон и приносил самые последние новости. Особенно много рассказывал он о пролетарских рабочих, которые ругали богачей, царя и знатную манхановскую знать. От него мы узнавали о выступлениях питерского пролетариата, боравшегося за свои права, о готовящейся всеобщей забастовке.

Все это, конечно, отражалось и на поведении притонских ребят. Мы тоже стали выступать против кайзеровского режима в притоне, отказывались петь молитвы, нарушали строгий порядок прогулок и, не обращая внимания на запрет, уходили из притона.

Наступило лето 1917 года... Выйдя однажды на улицу, мы увидели вооруженных рабочих, солдат и студентов, которые арестовывали городовых, склоняли бумаги, вынесенные из полицейских участков. Мы стали помогать рабочим и солдатам.

Все эти дни после Февральской революции мы находились в самой гуще революционных событий, среди питерских рабочих, солдат, студентов...

3 августа Иван Кобок взволнованно сообщил нам, что сегодня рабочие Петра будут встречать вождя революции Владимира Ильича Ленина, который возвращается из эмиграции. Поздно вечером мы большой группой пришли на площадь Финляндского вокзала. Народу собралось так много и люди стояли такой плотной массой, что нечего было и думать проплыть поближе, чтобы увидеть Ленина.

Я вскрабкался на корточках, когда над площадью вспыхнуло затерявшееся мотылько «курас». В ярком свете прожекторов было хорошо видно, как десятки рук подняли Ленина на броневик, как Владимир Ильич снял кепку и начал говорить... Я не слышал голоса Владимира Ильича, до меня долетали лишь отдельные фразы, передаваемые по рядам, и я запомнил только одно: Владимир Ильич Ленин привыкал пролетариату к социалистической революции. Последние слова Ленина пронеслись в гуще ружейных выстрелов, через это пламя, и я, склонившись с броневика, сел в кабину, и машина медленно понесла сквозь ряды рабочих, солдат и матросов, восторженно приветствовавших своего вождя.

В эти дни я сблизился с заводскими братами. Они посоветовали мне вступить в союз

Владимир Ильич после болезни в Горках (август 1922 года).
Фото М. Н. Ульяновой.

Владимир Ильич беседует с Е. Д. Стасовой (1920 год).
Фото К. Булла.

рабочей молодежи и пригласили на свое собрание, которое проходило в Михайловском манеже. В то бурное время я стал членом молодежной организации — Социалистического союза.

Быстро летело время, насыщенное волнующими революционными событиями. Помню, в поденьку 24 октября Иван Кобан, который ужеступил в партию большевиков, сказал: «Всех, кто сидит со мной в кресле, правительство будет свергнуто и рабочие возьмут власть в свои руки. Он просил нас хранить это в строгой тайне и добавил, что если кто-нибудь из нас хочет принести пользу proletарской революции, пусть приходит к арке Главного штаба».

Вечером вместе с тремя друзьями я направился в сторону Зимнего дворца. Приблизившись к арке Главного штаба, услышали гул ружейной и пуметельной стрельбы. Уже начался бой, отряды рабочих — солдат и матросов обстреливали Зимний. Среди тех, кто участвовал в перестрелке, я увидел много таких же юношей, как и мы. Некоторые из парней, не имеющие оружия, подносили патроны и коробки с пуметельными лентами.

Мы подошли к позовке, в которой было сложено оружие. Позовку охранял пожилой рабочий в короткой кожаной куртке, перепоясанной ремнем, с пуметельной лентой.

— Товарищи! — обратился я к рабочему, — дайте и нам винтовки...

— Идите-ка, ребята, домой. Это вам не игрушки.

Но мы продолжали наставлять, приводя доказательства самых убедительных доводов, и рабочий наконец выдал нам по винтовке и обойму патронов.

Издалика, со стороны Невы, донесся гулкий орудийный залп: крейсер «Аврора» вошел в порт начавшую штурм. И тотчас же к Зимнему дворцу со всех сторон потянулись толпы, лающим и грохочущим шагом. Этот неудержимый, мощный и грозный поток снес на своем пути весь дворец. С винтовкой наперевес, громко крича «ура», вбежал по площади, перепрыгивая через какие-то дрова, мешки с песком, бревна... Мы ворвались во двор Зимнего дворца, минуя огромные железные ворота.

Вскоре стало известно, что Временное правительство арестовано. Не наши только Керенского, и мы осмотрели все комната, подвалы, чердачные помещения в тщетных поисках этого самого будущего лакея. Только мы узнали, что Керенский, передавшись в бега,бежал из дворца.

Наутро мы снова отправились в город и на Большой Гребецкой улице присоединились к рабочим и солдатам, которые вели бой с консервами, засевшими в здании Владимирского училища. Сначала мы подносили патроны: взрослые не разрешали нам вступать в перестрелку. Но когда солдаты подняли трехдюймовые орудия и после первого же удара выбросили броневик в атаку, побежденные, а сперва испытавшие от сознания того, что будущее им предложено сдано без боя, сопротивление остальных было сломлено в полчаса.

Вскоре состоялись первые похороны жертв революции. День был холодный, пасмурный. Все Марсовы поля заполнили толпы народа. У братской могилы стояла высокая деревянная трибуна, обтянутая алым кумачом. Ненее один из других поднимался рабочие и солдаты. Они называли имена тех, которые погибли при защите города в последний путь, рассказывали об их революционных заслугах и клялись продолжать святое дело борьбы рабочего класса. В морозном воздухе, разрывая тишину, троекратно прозвучал прощальный салют... Когда над братской могилой вырос небольшой холмик, на свежую землю легли скромные, первобытно-красивые и черными лентами венки.

Прошло несколько недель, и вспоминать осталось одно из самых ярких вспоминаний. Правда, искали наши проводы вспоминавшие залпы. Стекла в окнах были выбиты во время боев, в комнатах стояла пыль. Постоившись, мы решили направить делегации в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В числе делегатов оказался и я. Но, придя в Совет, мы поняли, что пробраться к кому-нибудь из ответственных товарищей невозможно: такие делегации, как наша, заполняли все приемные залы.

— А вы, ребята, ступайте в Смольный, к Владимиру Ильичу, — посоветовал один из матросов, выслушав нас.

И вот мы в Смольном. Объяснили часами, зачем нам нужно встретиться с товарищем Лениным, и через некоторое время нас провели по длинным коридорам к комнате Владимира Ильича.

Ленин сам выйдет в коридор. Ждать пришлось долго. Но вот распахнулась дверь, и мы увидели Владимира Ильича. Он посмотрел на нас с улыбкой и спросил:

— Вы ко мне, молодые люди?

Волнуясь и перебивая друг друга, мы разом заговорили:

— К вам, товарищ Владимир Ильич...

— Мы — рабочие...

У нас проблемы...

Владимир Ильич засмеялся, пригласил нас в кабинет, усадил и попросил говорить по одному. Мы рассказали о своей жизни, о трудном положении, в котором оказались, и передали просьбу всех ребят помочь, если можно, нашему приюту. Ленин слушал внимательно, то что записывал на листке бумаги, спросил точный адрес и поблагодарил сделавшего все возможное.

Через два дня к нам в приют пришли двое рабочих и военный. Они осмотрели дом и сказали, что утром нас переведут в другое, хорошее здание на Девятой Рождественской улице и мы будем жить не в приюте, а в интернате, который организуется по указанию товарища Ленина. На следующий день мы уже с радостью перебирались в наш новый, чистый и уютный дом.

Прошло много лет. Но память бережно хранила все события первых дней революции, и все на улицах Петрограда, и речь Владимира Ильича с броненосца, и штурм Зимнего... Мне только один раз довелось беседовать с Ильичем, но я никогда не забуду этого встречи и всегда вспоминаю ее с волнением.

Н. ИВАНОВ

В начале 1919 года партийная организация Нижнедевицкой единой трудовой школы имени В. И. Ленина, членом которой я состоял, избрала меня делегатом на III съезд Коммунистических рабочих-участников. Сколько радости испытывала от сознания того, что буду в столице и, возможно, увижу Владимира Ильича!

Поезд, в котором я ехал, не один раз останавливался на перегонах. Пассажирам приходилось выходить из теплушек, чтобы в лесу нарубить дров для паровозов.

Время тогда было тяжелое. В стране царила хозяйственная катастрофа. Контрреволюционные пытаясь задержать молодежь Советской Республики, то там вспыхивали белогвардейские и кулацкие мятежи. Коммунисты многих губерний, в том числе и нашей, Воронежской, находились на военном положении. Но и в эти горячие дни партия не забывала о молодежи, отеческих заботилась о ее воспитании.

Вот я и в Москве. В общемитинге, где разместился делегаты съезда, чувствовалась особый подъем. Нам предстояло обсудить два вопроса: об объединении коммунистов-участников во всероссийском масштабе и об отношении к школьным и общечеловеческим организациям молодежи. И, конечно, всем делегатам владело неодолимое желание встретиться с Лениным.

Я был избран в президиум и хорошо помню, как с первыми шагами туда посыпалась земля. Присяжной пригласили на съезд В. И. Ленину. Члену президиума тов. А. Шликеру было поручено передать Владимиру

Ильичу просьбу делегатов. Мы понимали, что у Ильича очень много государственных дел и забот, но все же надеялись на встречу с ним.

Вскоре тов. Шликтер доложил нам, что Ленин он не застал, а говорил с секретарем тов. Фотиевым; она сказала, что Владимир Ильич едва ли сможет приехать на съезд. Но неизменно разнеслась весть, что Ленин едет к нам 17 апреля. Нашей радости не было гранич.

Делегаты подобрали группу вооруженных пистолетами товарищей и выставили на улице как охрану для встречи Ильича. Но мою долю выпала большая честь — дежурить у главного входа. Зорко глядывались мы в лица прохожих и не сводили глаз с Мясницкой улицы, откуда должен был появиться автомобиль Ленина. Каждый из нас помнил о злодейском покушении на Ильича эсеров Каплан и поэтому чувствовал огромную ответственность.

Лаконец показался легковой автомобиль. Он свернул с Мясницкой улицы в М. Харитоньевский переулок и остановился у подъезда дома, где проходил съезд.

Открылись двери, и из машины вышли В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Мы восторженно приветствовали борцов за гостеприимство. Владимир Ильич и Надежда Константиновна поздоровались с нами, и мы все вместе вошли в здание.

Как и многие другие, я представила себе Ленина человеком, богатырского сложения. А он оказался небольшого роста, в простом зимнем пальто с черным каркасным воротником и черной каракулевой шапочкой-ушанкой.

Когда Владимир Ильич появился в зале, произошло такое, что невозможno передать словами. Стены дрожали от громаapplause и приветственных восторгов: «Да здравствует советский мир, мир революции!», «Ура! Ура! Ура!». Овация продолжалась несколько минут. Потом все запели «Интернационал».

Когда в зале закончил звонить тишина, Владимир Ильич поклонился тишине,

вздохнул и, сдерживаясь движением снял пальто и шапку и начал говорить.

Сколько простоты и убедительности было в ленинской речи! Какая великую уверенность в победе революции она вселяла в наши сердца! Любовь из нас был готов сразу же после выступления Ильича ринуться в бой против врагов молодой Советской республики. Ленин рассказал о внутренней жизни страны, о ходе военных действий на фронтах, о снабжении населения продовольствием. Владимир Ильич говорил далее о необходимости учиться, создавать новую, трудовую школу, пришедшую на смену старой, нелюбимой, казенной. Ильич подчеркнул: «Сейчас мы закладываем только камни будущего общества, а строить придется вам, когда вы станете взрослыми». Он указал на необходимость объединения всей коммунистической молодежи — и рабочей и учащейся — в один союз.

Заключительные слова речи — «Еще раз приветствуя съезд и желаю вам всяческих успехов в вашем деле» — вызвали бурные applausы. И снова под сводами зала величественно зазвучал «Интернационал», и снова раздались восторги: «Ура! Да здравствует мировая революция!», «Да здравствует товарищ Ленин!».

Весь съезд, когда Владимир Ильич направлялся к выходу, каждому хотелось поговорить с Лениным, чтобы навсегда запечатлеть его образ.

Ленин давно уже уехал, а мы все еще стояли у подъезда, устремив взгляд туда, где за поворотом скрылся автомобиль.

Расходились молча. Делегаты были полны незабываемых впечатлений.

— Наша партийная организация Нижнедевицкая единой трудовой школы участников почты в полном составе ушла добровольно на Южный фронт — борясь с белогвардейскими полчищами генерала Деникина.

Так мы ответили на призыв Владимира Ильича, как зеницу ока беречь и защищать Советскую власть.

А. АЗАРОВ,

член КПСС с февраля 1919 года.

ЗАПИСКИ ЧЕКИСТА БРАТЧЕНКО

Приключенческая повесть

ПРОЛОГ

На Алтае, конец февраля — торы разных контрастов. Днем было жарко, солнце медленно пало по небу, одуряющие пахи густого хлеба, но, едва за горами скрылось солнце, сразу стало холодно. Туман оутяг землю. Весеночные морозы, ветер, снег, сильные снегопады. В палатке, где разместились студенты, прибывшие в целинный совхоз на уборку урожая, было шумно, весело, но вдруг из-за двери, друг над другом, загоревшие парни и девушки энергично работали ложками. Умнивший вмешался один из директоров совхоза спросил:

— Хорош же! — пошутил кто-то.

— А как же! — поспешил кто-то. — Три вещи у нас хороши: рабочая Коньша, суп лапша и директор Родзянко.

Родзянко дружинный хохот...

Первый помощник директора предупредил ребят:

— Задание — разбудить членов партии раньше. Так что не мешайте ложиться спать!

Когда все улеглись, третий курсник Саша Буферов встал:

— Ребята! А где же Готовцев? Ведь его и за ужинное, кажется, не было!

И Ремизова нет? Не сплохла ли кто-нибудь?

Но будущим педагогам Сергею Готовцеву и Ивану Ремизову опасность вовсе не угрожала.

В субботу утром Готовцев встал, оделся, усадился и, возвращаясь домой через лес, слушая набранные на полуразвалившуюся заросшую изгородь, начал петь, а когда приближалась дверь, она со скрипом с риками петель, и студент влетел в землянку. Пол под ноги затрещал в синих пятках, подавлен.

— Цел! — спросил Ремизов.

Дал труп, потому выбираться...

Ремизов, краем глаза, смотрел в фонарик. Подвал был пуст, только на стенах висели заплесневелые картинки.

— А, брошируй, тут кто-то наяд припрятал...

Открыты сумку, Готовцев вытащил толстую пачку пачек, перевязанную полусгнившей бечевкой.

Канало! руконыши, в ну-ча, посмотри!

Ремизов погнулся в подвал и, прочитав первые строчки, воскликнул: «Здравствуйте, Федор Братченко!»

То самые, о которых нам рассказывали экскурсовод в здешнем музее. Их считают пропавшими без вести.

Друзья уселись на пол и начали читать...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«...Известно мне, что настоящие писатели, прежде чем приступить к повествованию, сообщают читателю все сведения о герое: где родился, кто его родители и т. п. Поскольку действующим лицом в настоящих записках явилось я сам, значит, надо начать с собственного биографии...

«...Однажды интеллигент, учитель, сидевший вместе со мной в иркутском центре и читавший кое-какие мои тетради, заметил мне: «Ыы, Федор, слишком многословны, рассуждайте много. Лишнее так, что словам было тесно, а мыслим просторно!» Постаралась следовать умному совету: ничего лишнего.

Родился я в Томске в 1897 году, в семье... Впрочем, какая же это была семья! Отец

мой — страшный, с опухшим от водки лицом, кудлатый, спутанной бородой и огромными, как грабли, руническими — с маладеческим вином ужас. Завидя его, я бежал прятаться под лестницу. Сидел там, бывало, до тех пор, пока из черной дыры подвала, где мы жили, не начинял греметь его могучий и жуткий храп.

Парнишка я был щуплый, с тонкой шеей, хильмыми руками, слабым, как у щенка, голосом. Отец меня не баловал. Вряд ли даже помнил о том, что у него есть сын. Работал он, не разгибая спины, баржи грузил на реке Ушайке. А подсобнотяжёлый труд либо без меры. Мать я помню, как утром вставала, спасаясь блоками с темными краями утренней листи. В 1905 году мой отец, Гаврила Иванович Братченко, ударили кулаком по тонкому полицейскому, который явился на пристань «усмирять» бунтующих грузчиков. Через неделю отца повесили... Этому я, по глупости своего, даже обрадовался — так темна и беспросветна была моя убогая жизнь. Впрочем, перемену в моей жизни наступила как будто к лучшему.

Взяли меня к себе соседи, тихие, незаметные люди, которые, видимо, были с помешательствами. И муж и жена были очарованы, и заставляли меня часами простоять в церкви, рано пробудив в мне ненависть к религии. Пятинацать лет от роду я, разозлившись на привычную матку, заставлявшую меня перед сном молиться, зевая, что бога нет, а иконы — просто выкрашенные доски. После этого я заснул и стал ждать удара молота, которая должна была превратить меня в пепел. Но ничего особенного не произошло, если не считать, что через час я очнулся на улице с котомком за плечами...

Мне удалось устроиться учеником столяра на кондитерскую фабрику. Там работали много смуглых, худощавых парней. Красивые, я уже был связан с подпольщиками, а в семнадцать — впервые арестован «за участие в бунте». Кшил на чурдачек, обедать приходилось не каждый день, питьенос с чукого плача. Но энергия во мне била ключом. Я метался от переделки ненавистного старого мира.

В начале тысячи девяносто шестнадцатого года попал в «революционный университет», то бишь в тюрьму. Школа была хорошая. Старшие товарищи познакомили меня с марксистской литературой. Я разбрался в ее основах и, конечно, решил, что путь мой не с меньшевиками, не с анархистами, с Ленинским.

В тюрьме я и писать начал. Пробовал складывать стихи. Соседы по камере рассадили. Это прибавило мне бодрости. Писал я о «доле тяжелой и мрачной» и о холодах, что «льет кровь» у покорных и иных. Писал и о природе и о «ненужных чувствах», которых, кстати сказать, никогда от моей сеи не испытывал...

Учитель же посоветовал описать собствен-

ную жизнь. «В ней много поучительного! — убеждал он. — Полезнее, во всяком случае, члены виришами увлекаться!» Не знал мой доброжелатель, что вириши помогут мне убежать из тюрьмы.

За перестукивание с соседями перевели меня в одиночку. Камера помещалась в круглой башне. Узкие бойницы-окна совсем не пропускали света. Я бормотал стихи и от скучи пересказывал их надзирателю, флегматичному и добродушному старичку, который в награду за лицу духовную изредка совал в смотровое окно моей камеры махорки на закрутку. Этот же надзиратель во время обхода шепнул начальнику тюрьмы о моем таланте.

Начальник иркутского центра, старый, выживший из уха полковник с багровым, отеческим носом, с киперовским жилетом на щеках, славился своей сентиментальностью. Он тогда был прослезлив для виде молящегося арестанта. Проникновенно толкал о бое и о любви ближнему, что не мешало ему, как водится, применять телесные наказания и сажать людей в карцер.

Полковник, моргая прищуренными красными веками, попросил меня прочесть что-нибудь. Я прочел.

— Молодец! — одобрил он, пожевав губами. — Совсем-совсем себя и спирь, ибо прежде, чем думать о переделке мира, нужно достичь гармонии в собственной душе.

Ослепясь отблеском, господин полковник склонил я, чтобы воспользоваться удобным спасением. Тесни тучи, а не прогулку выходит редко. Дозвольте для поправки дозреть к работе ходить!

Обильно на работу водили под конвоем зревших, осужденных на маленькие сроки. Водили группами по пятьдесят — сорок человек на строительство тюремной бани, на очистку пустыря. «Политические» и подследственные были лицензией этой возможности подышать свежим воздухом. Мне хотелось выйти за мрачные стены тюрьмы, разъяться. Кроме того, я таил надежду установить связь с «волей».

— На работу! — прищурился полковник, ощупывая меня цепкими глазами. — Ну что ж, дабы показать, что покорность — лучшая средство излечения, — цели, изволи! — И привезли надзирателя! — Зевающий день свидел его и к головникам.

Противно и мерзко было слушать рассуждения вымысла из ума царского сатрапа. «Покорность... Обожди, дай вырваться отсюда, покажу тебе, какой я покорный!» — думалось мне.

И стал я ходить на работу. Порядок был твой. Нас собирали на первом этаже тюрьмы. Начальник конвой, тощий, унылый праторпик, гнусавым голосом приказывал:

— По пятеркам становись! Первая пятерка, три шага вперед! Вторая, третья...

Пересчитав нас, солдаты брали ружья на изголовку и выводили группу на городскую площадь, мюнценную бульвариком. Арестанты, одетые в одинаковые серые бушлаты и плоские шапочки, брели, прыча покрасневшие руки в карманах. Среднодобровольные мещанки, прымко-квивая и бормоча: «Помолись за меня, гречи-нице, беззиний страдальц!»—свали в пропасть руки калачи и крутые яйца. «Беззиные страдальцы!»—уголовники, среди которых встречались конокрады, воры и убийцы,—кланились, выхвачивая из пропастей и шинели:

— Кто же вы такие? Ужадина!

Вообще, я заметил, что уголовники считали корешами, тоными вызываемые, презрение к нормальным человеческим чувствам, таким, как благородность, жалость. Каменное равнодушие к хладнокровию было их «стилем».

Нас приводили к бане. Это было приземистое строение без крыши, возведвшееся уже года два. Арестанты не спеша, подгоняя их было бессмыслицы. Солдаты-конкорды оцепляли банию и устраивали перекур. А мы принимались за работу...

Не могу вспомнить быть этой ар-ботки. Жаль, что это были совсем скучные дела. Одни приводили подозреваемого горожанина арестантскую одежду, другие, развалившись в картах, трепты пыли воду, появлявшуюся неведомо откуда, точно по волшебству... Замерзнув, с дикими криками хватались за мастерки и лихо, радично укладывали одни, два ряда кирпичей. Потом снова отдыхали.

Я работал рядом с рослым, статным и красивым парнем, одетым в унтер-офицерские гимнастёрку и шаровары. Его звали Егором Малининим. Он был добродушен, незлы и циничен. На третий день, улыбаясь, рассказывал мне, что служил денщиком у какого-то капитана, начисто обворованного хозяина и за это получил пять лет тюрьмы. Я не мог не видеть таких разводных, жестоких и сонных глаз. Малинин мне однажды и предложил:

— Давай убежим, парень!

Он обмылся мне, с какой целью затянул это рискованное дело:

— Разыщу своего штабса, приструну, смыу с него кольцо сапфировое, продам, а деньги пропью...

Мы разбратали остроумный план побега и однажды осуществили его. Поставив в наш замысел еще одного арестента, мы разобрали банду членов семьи, а также парней, забывших в бане и в мюнцене Малинин. Нам ничего не стоило разрушить изнутри стену толщиной в один кирпич и выйти из заточения.

Мы стояли, тесно прижавшись друг к другу, в кромешной темноте. Наша тяжелое дыхание смешивалось. Затекли руки и ноги, но приходилось терпеть. Шевелилось было нельзя: не позволяли размеры клетки. Сквозь стены мы слышали, как начальник конвой скомандовал:

— Стойся по пятеркам! Первая пятерка проходи, вторая...

Потом началась суматоха. Загебали конвойные, обшаривали банию, тревожно зазевывали колокол. Продолжалось несколько часов, все стояло. По часам рассчитывали, уже долина была наступить ночь. Мы дружно уперлись в стенку, и кирпичи рассыпались.

С минуты стояли, жадно вдыхая свежий воздух. Над головами было черное небо, усыпанное необыкновенно яркими звездами. Темнели стены бани. Вдруг раздался тонкий голос:

— Руки вверх, не то стрелять буду!

Перед нами вырос солдат с винтовкой. Глаза у него были испуганные, голос дрожал. Его оставили на всякий случай сторожить бани. Малинин прокашлялся и спросил:

— Солдат, ты можешь не унашешь? Помнишь водички тела угощал?.. Что тебе користи в нас? Отпусти, спаси душу человеческое. Вот этот парень за правду стоит, за нее и терпит! Неужто ты нам врагом будешь?

— За прокламации, что ли?— спросил меня солдат.

Я молчала кинув.

— Ладно, бегите, ребята! Я ничего не видел, ничего не слышал!

Малинин шагнул вперед и вдруг, круго повернувшись к солдату, вырвал у него винтовку и, размахнувшись, сделал выпад штыком. Поплыла сдавленный стон.

— Что делалесь!— бросился я к Малинину.— Он же опустил нас!

Но Егор, превратившись на миг, подошел к упавшему солдату и хладнокровно вонзил штык ему в грудь. Мне пришла в голову страшная мысль: он так же спокойно может убить и меня! Я бросился за угол и побежал через пустыню.

— Стой!— услышал я голос Малинина.— Ку-да ты?

Но я не остановился. Перемахнул через камят-трубу, забрал, пробежал проходным двором, долго сидел, тяжело дыша, на чём-то кирпиче. Наконец, поднялся с себя. Впереди до меня подошел в свободной Собольевской одежде, жаждущий вспоминать несчастного солдата и давя кипятка, что никогда в жизни не садился с людьми, подобными Малинину. Тогда я не знал, что не пройдет и трех лет, как мы встретимся...

О дальнейшей своей жизни рассказывал в двух словах и передум и главному, ради чего начал эти записки. Революцию я встретил в Крайске, на Амуре. Этот город в восемидесят и в девяностые годы несколько раз переходил из рук в руки. В здании бывшего купеческого собрания находилась квартира губернатора, бывшего генерал-губернатора, там же сидели японские депутаты. Город кишил членами спецгрупп, скупщиками краевого, внутреннего и просто бандитами. Коренное население жило в страхе, терроризированное бесконечными облавами и бандитскими налетами.

После одной «смены власти», когда город захватили белогвардейцы генерала Собольевского, я по заданию партизанского штаба остался в Крайске проводить агитационную работу среди солдат белогвардейских частей. Не буду распространяться о том, как это я делал, скажу только, что в один далеко не прошлое день меня склонили к тому, чтобы, с чайкой листопада, сунули военного-полевым судом, приговорив к смертной казни через повешение. Казнь должна была состояться утром. На ночь перед посадили в подвал купеческого собрания.

Пишу об этом только потому, что должен рассказать о своем необыкновенном знакомстве с Лешкой Кольцовым, имя которого часто придется упомянуть в дальнейшем.

Итак, я был приговорен к казни. Первые полчаса после того, как меня, избитого и раздетого до нижнего белья, бросили в подвал, я прополоскал в чайке листопадом, пока не послышался монотонный голос председателя, тошнота иссукала с казачьими лампасами, и белье, присыпанное первым снегом улицы Крайска, по которым меня вели вниз. А через час я там пророг, что даже мысли о предстоящей казни вылетели из головы. Пожожи на приведе-

Рисунок Ю. Ракутина.

ние, в одном белье, босиком, в бегах по подвалу. Цементные стены и пот были покрыты мхоматыми ивицами. Идо рта у меня валил пар. И вот в этот момент от стены вдруг отделилась человеческая фигура. Передо мной высокий паренек лет шестидесяти в черной гимнастической шинели. У него было пулюхое, румяное лицо. Он варежкой стянул с себя пыль и как-то обидно, словно мы встретились не случайно, спросил:

— Вы, очевидно, большевик?.. Будем знакомы. Меня зовут Лешка Кольцов. А проник я в это помещение через трубу.

— Камень трубой?

— Да, это самое котлы сделают канализацию...— объяснял Лешка.— Трубы проложили, но начались революции, и господа купчиши остались без теплой туборы... Хотите, я спасу вам жизнь?— Лешка Кольцов понизил голос, его озорные глаза заблестели.— Я проведу вас по трубам к центру города. Там мы вылезем из лока. Ваша счастье, что здесь у меня находится склад продуктов и что я сегодня сюда съезжал!

— Какой склад? Зачем?— Я ничего не понимал.

— Не знаю, что побуждает меня к открытоности...— задумчиво проговорил Лешка.— Дело в том, что я решил эмигрировать в Америку, но Китай, свободный, культурный мужик не может жить в этой одинаковой стране!— Последнюю фразу он явно у кого-то слышал.

— Ладно!— ответил я.— Об Америке мы поговорим после, а теперь спасай. Это будет очень кстати, ибо только что меня приговорили к смертной казни.

— К смертной казни!— воскликнул Лешка.— Вы не врете?

— Но это глазам я понял, что мон акции сильно повинились.

— Тогда идемте быстрее! Здорово же мы оставляем в дураках! Терьер не могу казнить.

Он подал мне свою шинель и щерстяные заряжки, которые я натянул на голые, опущенные ноги.

Ругая себя в душе за то, что сам не догадался обследовать стены подвала, я висел за паренком полез на четвереньках в трубу.

Мы выбрались из лока на Центральной площади напротив полицейского участка, перелезли через несколько заборов и вошли в маленький домик на окраине. Нас арестрят пожилой мужичок в пенсне. Он был одет в форменный сюртук преподавателя гимназии. В кармане напотевший платок на стене висел, географические атласы и портреты Чехова и Максимилиана Горького. Я как-то сразу успокоился и, взглянув в глаза читателья, твердо сказал:

— Я большевик. Меня приговорили к смертной казни. Ваш сын помог мне бежать. Если меня найдут у вас в доме, по всей вероятности, будешь расстрелян все трое!

— Очень хорошо!— ответил читатель.— Леша, приснис господину большевику старые заряжки и постыль на пятни чайки!

Так познакомились я со своим будущим погибшим. Лешка Кольцов и его отчим, чудесным человеком, который трагически погиб. Но об этом речь afterword.

Через полтора месяца Красная Армия вывела казаков из Крайска. В городе была восстановлена Советская власть. Я работал в ремонтной, была уполномоченным по продовольствию, командовал частью особого назначения. Обстановка в городе продолжала оставаться тревожной. Контрреволюционные элементы поднимали голову. Каждую ночь на улицах находили убитых из-за угла красноармейцев и сокращенных обитников.

Расположившись в потепленном, пустом доме с колоннами и амурями, нарисованными на потолке, я стал думать, что же начинать. Очевидно, с обороны кадров... Вдруг дверь особняка раздалась. На пороге стоял Лешка Кольцов, одетый в армейскую шинель. На ногах у него были грубые веленки. Он походил и возмужал. Глаза смотрели строго и требовательно.

«Он прав!»— подумал я и обратился к Кольцову:

— А ты как считаешь?

— Никак не считаю; что прикажете, то и будут делать!

— Хорошо!— встал я.— На этом совещание обяжало закрытым.

Кольцов и Малинин ушли. Я выключил настенные лампы и заснул.

Егор жил на вишире, и ворота его языком, которые творговала пирожками. Кольцов бегал носеяя к отцу. Я спал тут же, в кабинете.

Вытаскав из стола простыни, я постелил на диване и лег, ноasnуты не мог. В голову лезла всякая чухля. Представлялось: будто комната, где я лежу,— тюремная камера, за дверью расхаживает надзиратель, а у постели стоят начальник тюрьмы и, шевеля бескровными губами, шепчет: «Самоусовершенствование и покорность помогут тебе достичь желаемого».

Фу, черт! Я открыл глаза. Мне показалось, что за дверью кто-то топчется.

— Кто там?

— Я, Федор Гаврилович!— послышался робкий голос Кольцова.

Часы на стене показывали без четверти пять. Недогадывая, я сунул босые ноги в сапоги. Через минуту програничил синими руками, Лешка сидел рядом со мной на диване и говорил:

— Я, Федор Гаврилович, нарочно домой нешел. На улице ждал. У меня есть идея, но в присутствии Малинина я не хотел ее высказывать.

— Обожди,— перебил я.— Это что еще за фокусы Малинин мой помощник и должен быть в курсе.

— Он меня презирает!— заявил Лешка.— Он хочет, чтобы я ушел, а я назло останусь.

— Ну, ну!— спротивился я.— Отставай линча и смотри!

— Ладно, постараюсь,— поджал губы Лешка.— Федор Гаврилович, покажите мне тот ключ,

— Возьми на столе,

— Так и есть!— воскликнул Лешка через минуту.— Но колыца две буквы выбиты. «А» и «Ж». Мирия слесарь! У нас в городе только один мастер: Антонин Жилинский, ссыльный поляк. Надо сходить к нему, Жилинский должен вспомнить, кто ему этот ключ заказывал.

— Хорошо придумаешь!— покхвалил я.— Завтра пошлю Малинина.

— Федор Гаврилович!— взмолился Лешка.— Я сам все объясню, разрешите мне. Я все сделаю, как надо!

— Ладно. Пойдем вместе. А Малинин в банк пошлем. Такой вариант тебя устраивает?..

Ну, тогда ложись отдохнуть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Едва я начал дремать, как в дверь постучали. Кольцов вскочил, щуря сонные глаза. В коридоре ждал красноармеец с пакетом. Я прочел: «только что в банке похищено двадцать три килограмма золота. Жду вас, Малинина».

— Что случилось?— спросил Кольцов.

— Наш план отменяется!— ответил я.— Понки убийца придется отложить. Из банка взято золото. Взято, конечно, не ворами, а тайными врагами Советской власти,— не столько обычной я и Лешка, сколько рассуждал вслух.

— А как же слесарь, Федор Гаврилович!— спросил Кольцов, когда мы вышли на улицу.— Ведь его упокоили на неба.

— Что же придется тебе одному выяснить, чей это ключ.

— Есть!— браво ответил он и послешно шмыгнула в переулок.

Возле банка собрался народ. Среди толпы вискался могучий фигура Малинина. На каменных плитах лежал окровавленный красноармеец-чехословак. Я наклонился к нему. Часовая была еще.

— Врач!— крикнула я.— Внести в дом!

Малинин бросился помогать, бормоча:

— Оказывается, не помер, смотри ты!

Красноармеец поднялся на стол в одной из комнат. Вокруг толпились банковские служащие. Один из них, в круглых роговых очках, с достоинством представился:

— Начальник отделения, коллежский советник Спицын. Готов по мере сил содействовать обнаружению злодея.

Я почти не слышал советника. Все мое внимание привлекал красноармеец. Он стоял, широко открыл светлые, полные слез глаза, сиплился что-то сказать. Расстегнув гимнастерку, я увидел на его груди широкую ножевую рану.

— Красноармеец, кто тебя?

— Дядя!— прошептал красноармеец.— Одного... я знаю...

Часовой обессиленно откинулся голову. Глаза его закрылись.

— Федор Гаврилович, надо в подвал склонить, где золото хранилось!— напомнил Егор.— Может, я пока взгляну?

Я кинул. Он удалился.

— Вызовите по телефону доктора!— приказал я Спицину.

Вслед за начальником отделения вышли остальные служащие. Я остался в комнате один.

— Птицы!— дрогнули склоненные ранеными.

— Потомки, тварин!— крикнул Спицин, выбегая в зал. Вокруг, как на зло никого не оказалось. Пришло самому отыскивать графин, а когда в вернулся с водой, солдат уже не шевелился. На его груди зияла вторая, только что нанесенная рана. Я бросился к открытым окнам. Площадь была пуста... Распахнута дверь, я увидел Спицина. Он привел врача...

— Вы опоздали,— сказал я и попросил бывшего коллежского советника проводить меня в подвал. «Значит, враг находится где-то здесь, в здании»,— думал я, всматриваясь в лицо Банковских служащих.

— Кто же здесь?— с гневом произнес Малинин, когда я рассказал о случившемся. Он стоял у входа в подвал, рассматривая искорененный замок.— Жив не буду, а поймаю гадов!

— В старое время ни один преступник не мог проникнуть в хранильщики банка!— строго заявил Спицин.

— Что же, теперь преступники стали умнее!— с досадой спросил я.

— Преступники во все времена одинаковые!— ответил Спицин.— Дядя, изволите видеть, не для них двери ведущие на первый этаж, были сделаны засовы. А для тех, кто с двумя сторожевыми постами. Но даже если бы уснули сторожа, то и тогда злодей не удалось бы войти в хранильщики. Вот эта жеальная дверь имела особенно сложное устройство.

— Почему же сейчас не помогли ваши хитрые устройства?

— По монах электростанция выключает свет,— ответил бывший коллежский советник.— А без электрической энергии, извлечь знат, все устройства и механизмы бесполезны.

— Ты, божай старичок, по-другому у меня заговоришь!— перебил его Малинин.— Охрана плохая! Не перебий твой номер! Потрудитесь на замочек взглянуть, Федор Гаврилович. Что сработало?

Отмычка настоящим ключом, а посол, чтобы знать, что происходит, давай колоть чем попало! Яско, я в банке работал.

— Осмотрев замок, я согласился с доводами Малинина. При всем своем настороженном отношении к нему я не мог не отдать дань его сообразительности.

— Как же, господин коллежский советник,— спросил я Спицину,— согласны вы с нашим выводом?

Лицо Спицина сразу стало испуганным и жалким.

— Ключа от хранильщика у меня нет и не было.

— А у кого же ключ?

— В старое время...

— К черту старое время!— рявкнул Малинин.

— Эти двери можно было открыть только тремя ключами. Раньше они хранились у старшего кассира, другу оператора, третий у управляющего банком. Они вместе и входили в подвал. А теперь...

— Что замолчал? Или помочь?— сказали кулачи Малинин.

— Теперь все три ключа у господина управления.

Это у барона Лессинга, что ли?— Малинин сплюнул.— Я так и знал, что без старой лисы не обойдется!

— Когда явится на работу Лессинг?— спросил я.

— Он болен. Лежит в постели с приступом грудной жабы.

— Мы его вылечим, сучьего сына!— вырвался Егор.

О Лессинге мне приходилось слышать. Это был один из тех старых специалистов, которые добровольно согласились сотрудничать с большевиками. Правда, объяснялся он это своеобразным.

Банк стоит и должен стоять выше политики! Если банк рухнет под ударами социальных бурь, в стране настанет хаос... Я русский и во имя отечества остаюсь на своем посту!

Так, или иначе, Лессинг работал добросовестно. «Но, возможно, он остался для того, чтобы вернее навредить!— подумал я и приказал Малинину немедленно арестовать управляющего, а сам отправился к председателю рекома Волчину.

Увидев меня, Волчинин встал из-за стола. Это был корластый, еще крепкий мужчина пятидесяти лет.

— Садитесь, Федор!— прыгнула Петя Андреевич.— Что нового?

Я рассказал об убийстве, о краже золота, поделился подозрениями относительно Лессинга. Когда я кончил, Волчинин сказал:

— Хорошо, Федя, что зашел. Есть важные новости. Должен поставить тебя в известность, что обстановка усложняется. В окрестностях Крайска появилась банды Степника. Он объявил себя «защитником» алтайского народа. Опираясь на местных изъязвленных-зайсанов, которых помогли ему составить под изображением кочевников-алтайцев.

— А что же это за банды?— спросил я.— Банды Малинина, состоящие из полков генерала Сонковского, а также всяких бродяг, дезертиров, анархистов и прочие! Пока Степника боится вступить в открытые столкновения с регулярными частями Красной Армии. Но силен его растут! А главное, у Степника в самом Крайске имеется агентура, которая поддерживается с ним связь. Та банды задача: выследить и уничтожить ее. Происшествие в банке, разумеется, очень неприятно, но хочу тебе предупредить, Федя: не увлекайся поисками золота. Это может отвлечь тебя от основной задачи.

— А не одних ли рук это дело?

— Смотри, тебе виднее.

(Продолжение следует.)

В дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве проходила Международная выставка изобразительного и прикладного искусства. Одна из медалей этого юношеского золота медалью особою византии привлекала скульптурную группу молодого советского художника Федора Финвейского «Сильные смерти».

Художник удивительно верно передал несокрушимую силу и мужество духа трех юношеских воинов, их презрение к опасности и врагам. Ни пытки, ни страдания, ни угрозы не могут сломить их волю. Смело и гордо смотрят они в лица смерти.

Таких работ, насыщенных большими, глубокими содержанием, зловещим и мистическим, стойкостью, героизмом, не было на выставке.

Они различны по тематике, по материалам, из которых они сделаны людьми разных политических убеждений. Но все они выражают одно любовь к человеку, стремление подать отзыv на правду жизни. «Шахтер из Верона», борющийся с горной породой, против войны мексиканцы Андреа Гомес, и китайцы Хуан Чжоу, «Процессия» Григор Деревянко, Альберт Касимов, «Брат» Али Махбба из Египта и многие, многие другие произведения ярко свидетельствуют о новом поколении людей реальному миру,ному трепетных красок.

На выставке было представлено более четырехсот произведений национальной скульптуры, прикладного искусства. Самые лучшие мастера стран прислали сюда работы молодых художников, не имеющих еще определенного направления, манер, почернов. Однако присуждение международным жюри за лучшие произведения было сделано в виде медалей показало, что на выставке поборники художественного направления, сила которого в утверждении идей, в стремлении к ее светлым идеалам, и любви к миру.

На наших выкладках мы помещаем репродукции произведений некоторых художников, отмеченных золотыми и серебряными медалями.

СССР.

Финвейский Федор.
Сильные смерти.
Золотая медаль.

ГЕРМАНИЯ.

Миниатюра Ласло.
Утро.
Серебряная медаль.

БЕЛЬГИЯ.

Семвиль Роне.
Шахтер из Борэна.
Золотая медаль.

КИТАЙ.

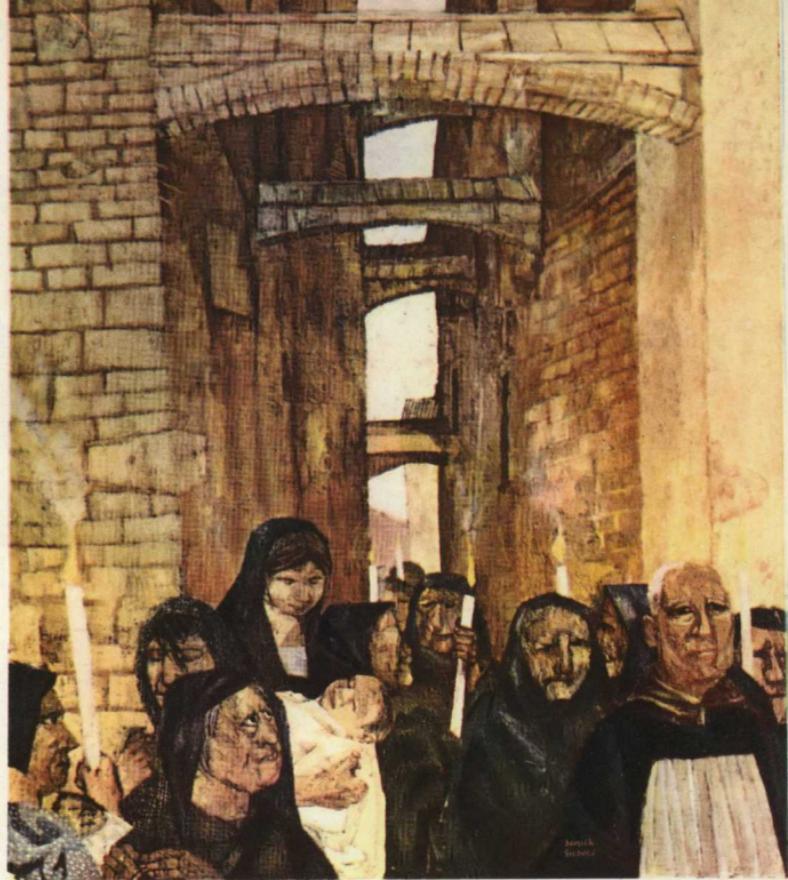
Хуан Чину.
Метель.
Золотая медаль.

КОРЕЯ.

Ким Ен Дюн.
Танец.
Золотая медаль.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ.
Гриз Дерин.
Процессия.
Золотая медаль.

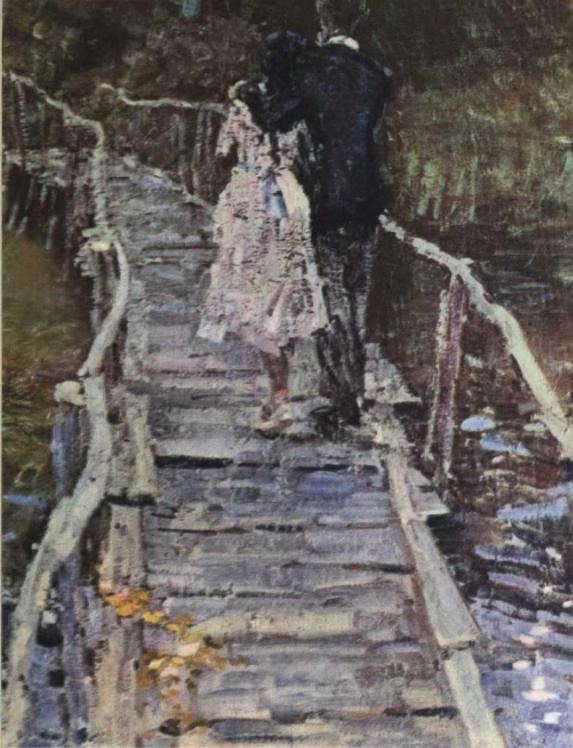

ИТАЛИЯ.
Зигайна Джуэлло.
Десятая годовщина
в Фриули.
Золотая медаль.

ГДР.
Вомацка Вальтер.
В конце войны.
Серебряная медаль.

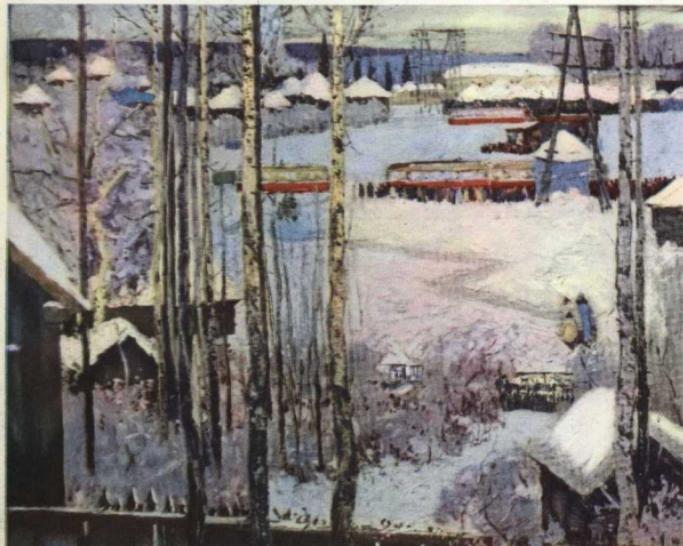

СССР.
Тчачев Алексей.
С вечеринки.
Серебряная медаль.

РУМЫНИЯ.
Блендеа Константин.
Крестьянка.
Серебряная медаль.

СССР.
Домашинов Борис.
Окранина. К вечеру.
Серебряная медаль.

Людиновские орлы

Есть в Калужской области, на самом краю Брянского леса, город Людиново. Двести лет назад, основали его дениндровские мастера. Русские умельцы скатали во многих местах рабочу Лампады железными и деревянными покоями и заставили ее вертеть сначала турбину чугунолитейного, а затем и локомобиличного завода. Здесь появился первый русские рельсы, первые русские локомобили, первые инвентарные пароходы. Рабочие людиновских заводов не раз поднимались на борьбу с царским самодержавием. Здесь начиняли свою деятельность известный революционер, организатор Советской власти на Брячине Игнат Иванович Фокин.

Сейчас недавно приоткрылась еще одна славная страница геройской летописи этого города. Ее вписала в годы Великой Отечественной войны группа комсомольцев-подпольщиков.

Сейчас еще не все известно о беспримерном подвиге руководителя группы Алексея Шумавцова и его товарищей, можно надеяться, что начиняя следопыты истории народов — местных комсомольцев и пионеров, молодежи Москвы, Смоленска, Брянска, Калуги и Орла — городов, куда могли попасть архивы с донесениями о деятельности молодых подпольщиков, — будут найдены новые драгоценные документы, которые полностью раскроют то, что сделали простые рабочие ребята и девушки в тяжкую годину фашистского нашествия.

ОТЕЦ

Семен Федорович Шумавцов, поскрипывая протезом, броздил по опустевшим комнатаам. Еще накануне отвез он часть семьи в стационарную сторожку, на 29-й километр узкошляйки. Поры, бы выезжать туда и осталася им, но вот сын с бабушкой задержались уже на 27-м. Ушла старая Ольшанянка простиаться с сестрой, да и задержалась. Пришлоось послать за них Алексея. Теперь оба где-то запропастились. Что с ними? Почему их так долго нет?

Заскрипели ступеньки крыльца, испуганный голос позвал:

— Дядя Сеня! Наша уже плотину взорвали! Что же делать? Говорят, немецкие мотоциклисты совсем рядом...

Это была соседская девушка, родные которые тоже ожидали ее на 29-м километре.

— Ну что ж, видно, ждите больше нельзя.

Запрягли лошадей!

Семен Федорович оставил записку сыну: «Лен! Мы на двадцать девятом километре. Дальше будем ехать в Сызрань. Догоняй».

ЗАДАНИЕ

Только на другой день вернулись в Людиново Леша и бабушка. Узнав о том, что наши оставляли Людиново, Евдокия Андреевна твердо решила: она никогда не поедет — здесь ее родина, здесь, если придется, и умрать будет. Что же касается Леша, то у него была своя дума. Даже бабушка до поры до времени не знала о ней.

Еще в первые дни войны Алексей явился в военкомат с просьбой отправить его на фронт. Но что могли сказать в военкомате штандартенному парнику?

— Мал еще. Надо подрастать.

Так отвечали тысячам его сверстников во всех военкоматах страны. Сказали это и Леше. И так же, как многие его одногодки, он не успокоился. Снова и снова терпеливо донимал своего.

Как-то свидетелем его разговора с воен-

комом оказался коренастый мужчина в на-глухо застегнутом китель. Серые глаза незнакомца задумчиво смотрели на Лешу. И вдруг он обратился к военном:

— Разрешите я с парнем побеседую.

Так встретился Леша с Василием Ивановичем Золотухиным, которому район партии поручил формирование партизанского отряда и подпольной группы в Людиново. Золотухин пытаясь осмыслить Лешу: рядом с комсомольским юношей азот на груди друг другой, с изображением круглой мишени посередине — «Боршевский стрелок».

— Стало быть, и стрелять умеешь?

За первую встречу последовала вторая. На этот раз в присутствии секретаря райкома партии Афанасия Федоровича Суровцева. Перед тем, как наши покинули Людиново, состоялась еще одна встреча.

— Помни, Шумавцов, — сказал Суровцев, — тебе заниматься разведкой. Подбери хороших ребят. Проверь, что же делает и только потом включай группу. И еще одно учи: без нас никакого серзеного не предпринимай. Жди сражения.

Уже прощаюсь, Суровцев положил руку на плечо Алексея и добавил:

— Труднее будет и тебе, Леша, и тем, кого ты подберешь. Но что бы мы не случились — верьте в нашу победу! Поддерживайте эту веру в и людях.

...Долго стояла Леша на крыльце с отцовской эмблемой в руке. Отцовское ёдогонье звало его туда, где ждала, обливаясь слезами, мать... Мама! Если бы ты только знала, на какое дело решился твой сын!

На крыльце вышла бабушка.

— Лексик, ну так как же теперь жить-то будем? Может, уйти тебе лучше?

Встряхнулся Леша. Обнял старушку.

— Ничего, не беспокойся.

А спустя два дня не выдержал Алексей, подпасал голову, зовущему к родным. Он наверняка знал, что никого не застанет на 29-м километре, и все-таки побежал, чтобы ходить в санаторий, чтобы не забыть, где жила, где она в последний раз ждала его. Вечером следующего дня Алексей вернулся домой. Он принес оставленную родными на полустанке корову, захватил свою двухрядку и семейные фотографии. В старом, промасленном мешке с сеном принес несколько пистолетов и патроны, подобранные на дороге. Поздно ночью, когда Евдокия Андреевна ужаснула заснула, попрятал эти машины на чердаке, а затем достал погреба глинтвина, цеплю и горючее для костра. Подошел к печи, чтобы выпечь кирпич, за кирпичом над той самой печуркой, в которой бабушка обычно сушила свои носки. В образовавшуюся нишу спрятал что-то, а затем уложил кирпичи на прежнее место.

Когда рассказывал и бабушка вышла на кухню, первое, что она увидела, — это свежезделенный квадрат печи. Вздохнула старая засекла его какой-то тряпкой, скорхонько затопила пожарную печку, чтобы быстрее прогорело.

Только через двенадцать лет, когда Шумавцовы надумают разобрать печь и когда не будет в живых ни бабушки, ни внука, найдет отец то, что наенстый октябрьской ночью 1941 года тщательно спрятал его сын: комсомольский билет, метрику и эвакуационное удостоверение, выписанное на имя Алексея Шумавцова.

СЧЕТ МЕСТИ ОТКРЫТ

Потянулись тяжелые дни неволи. В доме Шумавцових, как и в соседних, поселились немцы. Бабушке с Алексеем пришлоось перебраться на кухню. Заметив, что постояльцы

почти не обращают внимания на хозяев, Алексей решил ознакомиться с обстановкой в городе, а главное — скорее увидеть кого-нибудь из друзей.

Город теперь казался каким-то чужим. На улицах часто встречались непривычные для глаз куртки с яркими грязно-зеленого цвета, слышались чужаки отрывистые, разные окрики. Всюду на столбах и заборах висели знамена немецкой комендатуры. Начинались они по-разному, а кончались одинаково: «С наступлением темноты за хождение по городу — расстреля!», «За хранение оружия — расстреля!». Задерживаясь у листков, Леша внимательно присматривался к тому, что делалось вокруг.

Свернув по улице Энгельса на Ленинскую, Леша подавился с кинотеатром. Тут儿 был показывали кино. Обрывок старой афиши на зборе напомнил Леше о прошлом, так похожем на сегодня: «Борьба за свободу сон, дверь, с харь... — Девушка с характером!». Разве может он забыть этот фильм? Ведь они смотрели его вместе с Шурой Хотевой...

Он все еще стоял у старой афиши. В это время несколько машин, груженных до отказа новенькими обмундированиями, подкатило к церкви, из которой сразу высыпали солдаты. Они быстро принялись за разгрому.

— Так! — прошипел Леша. — Даже здесь склад устроили!

Еще с детства Алексей считал локомобильный завод своим, родным. Много лет проработал здесь отец, а теперь устроили склад для винтовок, когда подрос. Части приносили Леша и отцу в депо. Его забавляли юркие, словно игрушечные, паровозики, суетящиеся на заводских путях. С кем-нибудь из знакомых шел он обычно на скобу и часами наблюдал, как постепенно из отдельных деталей и механизмов появлялся настоящий локомобиль, точно такой, как на отцовской почетной грамоте. И вот теперь на заводе нет ни отца, ни брата... Где-то они сейчас?

У знакомого лаза в заборе Леша остановился. Всюду было видно как на ладони. Вон и депо и склад. Двери в соседней цехе закрыты на замок, а около — часовы! Чем бы это значило?

Бродя по городу, Алексей увидел много любопытного и важного. Не буда, что сообщают об этом пока некуда. Ведь сведения могут понадобиться каждый день.

Вокруг творилось странное. Во многих домах пришли горы. Пришли и в дом Шумавцових. Однажды, у памятника Игната Фокина, впереди которого стоял бронзовый Алексей — погибший Трушеников, Громом обрушилась весть об этом на Лешу. Бледный и притихший, слушая он рассказ соседей.

— За что же их? — прервала рассказ бабушка.

— Сказывают, видел кто-то, как они ружье разбирали... Донесли поганые люди. Как парижан, их повесили.

Никогда доныне Леша не сталкивался так близко с врагом... Нет, он больше не может бородавывать, даже однажды будет хотеть погибнуть! Леша забыл об всем, о том, что глянешь, ради чего остался, и о предупреждении командира — «ничего серзеного без нас не предпринимать». Забыл. Но ведь ему было всего шестнадцать лет!

...В доме давно тихо. Смолкли голоса и за стеною. Не слит только бабушка, тревожится: куда и зачем ушел вечером внук?

Алексей в это время, плотно прижимаясь к земле, осторожно полз вдоль церковской стены. В нескольких десятках метров от фонарного столба лежала чья-то раковина. Тело покойницы. Сдело жутко, но, стиснув зубы, Алексей пополз дальше. Вот и окно подвального помещения, где оккупанты устроили склад обмундирования.

Алексей Шумавцов.

Александр Хотеев.

Анатолий Апальцев.

Александр Лысцкий.

Едва слышно скрипнуло о стекло алмаз. Алексей поднял смоченную керосином паклю и бросил в склад...

Первым, кого встретила на другой день Леша, был один из его приятелей, сосед Миша Цуркин.

— Слышно что-то ночью склад поджег... — сдерживая радость, шепнул Миша. — А ведь рядом с нами на заводе немцы тоже склад устроили. Бензозхранилище! Вот бы его тоже кто-нибудь спалил!

Леша испытывающее посмотрел на Мишу.

— Ты ведь, кажется, комсомольцем был? Почему же хочешь, чтобы другие это сделали?

— Я и сейчас комсомольцем себя считаю.

— А раз так, то давай мы с тобой это сделаем!

И через несколько дней бензозхранилище сгорело.

В городе заговорили о поджогах. Оккупанты обвинили это делом рук партизан. И никто не мог подумать, что дерзкий налет на бензозхранилище сделали три вчерашних школьника — Леша, Миша и его младший брат, Саша.

КЛЯТВА

В январе 1942 года Алексей Шумавцов встретился с Золотухиным.

— Ну, здравствуй, орел! Расскажи, как дела, — приветствовал юношу командир.

Василий Иванович терпеливо слушал Алексея и лишь изредка просил что-либо уточнить.

— Это хорошие, настоящие ребята, Василий Иванович! Драчутся умеют. Смелости уважают. Вот Шурик Лысцкий. Я ведь его давно знаю. Деловой парень. Болтать не любит. С виду тихий, а вообще отчаянный. Долго я его разыскивал, а встретился случайно. На улице. С остальными погибли помогли сбежать.

— Это как же? — не понял Золотухин.

— Да так. Как-то вынывали на улицу сотни два народа — дорога расчищала. Ну, и я попал вместе со всеми. Смотрю, Толик Апальцев нападал. Я думал, что он уехал из Лодино-на. А он, оказывается, дома отсиживался. Не хотел немцам на глаза попадаться...

— Ты вот, Леша, говоришь... мягко перебил его Золотухин, — они драчутся умеют, смелость уважают. А на другое, более серьезное дело способный!

— Еще как способный... Знаете что? — И он передал Золотухину один разговор, который состоялся у него с друзьями:

Возвращались они с очередной расчистки снега: Леша, Шурик Лысцкий, Толя Апальцев. Говорили о пустыхках. И вдруг Толя, понизив голос, спросил:

«Ребята, вот у нас сейчас фашисты в городе. Красная Армия на фронте бьется с ними. Ну, а вы, с чем вы сейчас думаете? Только честно, по-комсомольски скажите!»

Шурик посмотрел на друзей, улыбнулся и отвечал:

«Наверное, то же, что и вы! Хотел в лес уйти к партизанам. А потом надумал к подпольщикам пристать. Ведь, наверное, остались же наши кого-нибудь в городе. Как вы думаете, ребята?»

«Подпольная группа обязательно существует», — продолжал рассудительный Шурик. — Склад горючего на заводе был сам же загорелся. Но как найти этих людей?»

«Найдем», — нытко ответил Толя Апальцев. — А пока скажите, действовать нужно, что ты скажешь на это, Лешка? И почему ты молчишь?»

Ну, что я мог сказать им, Василий Иванович! Ведь это настоящие комсомольцы! И знаете, честно вам скажу, я чуть-чуть тогда не рассказал им все.

— А все-таки как же ты им отвечал?

— Как? — Леша нахмурился. — Сказал, что думал так же, как и они. Обидно. Василий Иванович. Заметили ребята мою растерянность. А я, общаясь, Леша сказал, что мы можем сковывать, знаете, члены партизанской группы! И пока разузнать, какие части стоят в городе, установить численность танков, артиллерии.

Золотухин рассмеялся.

— Молодец, Алексей! Вышел из положения. Стало быть, они будут помогать тебе

искать самого себя... Ну, а еще кто у тебя на примете?

— Дядюшний брат Толя Витя Апальцев и Николай Евтеев. Конечно, Тоня и Шура Хотеевы.

О детях Хотеевых я знаю — уличную Золотухин. Можешь смело их привлекать. На первых порах мы и связь с вами через них установим. Формируй группу! Уже прощаюсь, Золотухин как бы невзначай бросил:

— Слыши я о твоих делах. Молодец! Не рисковать так не надо. И ребят подстрижики вай. Эря пусть голову не подставляют.

...Дом, в котором жил Хотеев, ничем не отличался от соседских. По ступенькам склоняясь, окунувшись в них в стиль.

Однажды воскресным утром подионичные, заданные, огороженные, стараясь быть незамечеными, пробирались к нему Леша Шумавцов, Толя Апальцев, Шурик Лысцкий.

Когда ребята собирались в маленькой комнате, холостяк домашней Татьяны Дмитриевны Хотеевой часто выбегала на улицу — то выходила половчину, то разшивавшая белье, зорко поглядывая вдоль пустынной улицы. Из маленькой комнатки доносились звоноки

— Ребята, — заговорил Леша, — сегодня впервые за много месяцев собираемся вместе. Хотя мы не в ладу, мы тоже партизаны. Поговорим же, что будем бороться до конца, а если что случится — не сдаваться и молчать.

Он встал и, вытигнувшись, вдруг торжественно продолжил:

— Я, Шумавцов Алексей Семенович, 1925 года рождения, беру на себя обязательство...

В едином порыве, как по команде, поднялись и ребята. Алексей продолжил произносить слова, подсказанные сердцем и со временем:

...Работать на пользу социалистической Родины путем сборивания данных разведывательного характера, идущих на пользу Красной Армии и красным партизанам. Если в нарушение свое обязательство или выдачу тайны, то несу ответственность по законам Советской власти, как изменник Родины.

Один за другим каждый давал свою клятву на верность:

— Я, Лысцкий Анатолий, клянусь...

— Я, Хотеев Антонина, клянусь...

— Я, Хотеев Александр, клянусь...

— Я, Апальцев Анатолий, клянусь...

По предложению Леша решено придумать себе клички. Вспомнив, как обратились к нему Золотухин во время последней встречи, Шумавцов заявил:

— Я беру кличку «Орел». Лысцкий назывался «Огнем», Апальцев — «Русланом», а Тоня — «Глебой».

ВЕСТОЧКА ОТ «ОРЛА»

Зина проснулась рано. Сегодня по заданию командира отряда она впервые идет в город, с которым долгое время связь была прервана.

...Шагая по глубокому, рыхлому снегу, Зина думала о скопренном: может быть, удастся на минуточку забежать к своим. Как ей хочется повидаться с ними! Вот наконец и Людиново... Вот и знакомое крыльцо.

— Зина, миленькая, родная! — Шура посыпала на нее с усами, а спечки уши слезала с семечками. Хорошо, что не зима.

Да ей хотят с дороги-то передезирнуть — делано строго одернула дочерей Татьяна Дмитриевна. — Да и рассинхаться ей некогда. Очкастый тут приходил. Допытывался, куда дочка дельса.

— Ну, а ты что сказала? — Зина прильнула к матери.

— Известно что. Ушла в деревню за продуктами, да вот по сю пору и не вернулась... Посолец, послоп, очкастый, ничего не сказал. Так что видно, уходить тебе скорей надо, доченька.

В отряд Зина вернулась вечером. В избе у командира находились Суровцов и члены райкома комсомола Аня Егоренкова и Иван Ящерицын. Зина рассказала о тайном собрании подпольной группы Шумавцова, об их клятве.

Выслушав сообщение Зинны, Золотухин вышел начальника штаба и сказал ему:

— Сообщите шифровкой в штаб фронта: «группа «Орлы» оформилась. Связь установлена».

МОСТ ВЗОРВАН

Неширока река Лампады, а перебраться через нее трудно. Берега низкие, топкие. Вдоль реки, вспахивая, идет дорога из Людинова.

С давних пор в месте пересечения реки и дороги был построен мост. Небольшой, деревянный, единственный в этом районе. При отступлении наших войск не успели взорвать мост, и теперь гитлеровцы, пользуясь им, перебрались к линии фронта: танки, бронемашины, артиллерию.

Однажды партизаны делали попытку взорвать мост, но неудачно. Вертико это задаче поручили группе «Орлы».

Леша Шумавцов, Шурик Лясоцкий, Толя и Виктор Алатыревы подошли добираться в балку, недалеко от моста. Когда наступила ночь, осторожни вышли из прикрытия. В темноте на мосту одиночка червела фигура члена.

Ребята убрали часового так ловко, что он даже не успел вскрикнуть.

— Теперь быстро за дело! — скомандовал Леша.

Взрывчатку заложили в трех местах и, запалив шнур, бросились в балку. Три взрыва потрясли ночную тишину. Мост был снесен начисто.

ДЕВУШКА С КОРЗИНКОЙ

Перед самой деревней Тоню застиг дождь. За несколько минут она промокла до нитки. «Вот ребята будут потешаться... — мельнуло в голове. — Еще бы. В деревне Мокре прошла и в самом деле мокреценькая».

Тоня шла выпытывать важное задание.

Уже два дня со стороны Фаинской доносилась канонада: гитлеровцы предупредили наступление. Наше командование попросило партизан выяснить: какие силы расположены в прифронтовой полосе, подстанции ли против-

исходила дорог, чтобы вымыть картoucher и капусту на север, стоящем. Осторожно подошла Тоня к разгрому деревенской жизни. И для нее многое стало ясно. Нет в блокадных деревнях крупных войсковых частей противника, не подтягивал он сюда и резервы. Вот разве в Котовичах она увидит другое. Но ни в Котовичах, ни в Игнатовке, ни в Желтухе, куда заходила девушки, не было слышно о вновь прибывших вражеских войсках.

Только через неделю вернулась Тоня в Людиново. В плетеной корзине несла свою картoucher и бутылку подсолнечного масла да куклу для Барин и куклу для Бабы. Девочка затащила машину. Поток грязной воды обдал девушку. Она оглянулась. В машине сидел бывший ее одноклассник — старший следователь людиновской полиции Иванов.

— Ну, здравствуй, Хотеева.

— Здравствуйте, господин Иванов, — с плохо скрываемой иронией ответила Тоня. — Можно было бы и не окатывать водой. Иванов подозрительно оглядел ее и зло произнес:

— А от воды грязней не будешь!

Машину скрылась за поворотом.

— Какая скользь! — выразился у Тони.

А в воскресенье у старого дуба, за улицей Бокова, Афанасий Ильин торопливо записывал очередное сообщение подпольщикам.

В этот же день донесение было в штабе советских войск. Хитрость врага была разгадана: маневром у Фаинской и на других участках фронта гитлеровцы хотели отвлечь внимание нашего командования от того, что они готовятся под Сталинградом. Мощным ударом советские войска отбросили фашистские части у Фаинской. Больше наступать здесь гитлеровцы не пытались.

ТЕНИ НА ДОРОГАХ

Ночь. Тревожно спят людиновцы. Тихо на улицах, только изредка шумно громыхают самолетами патрульные. Но вот улица скрылась за облаком, и какая-то еле уловимая тень мельнула в серой темноте. За ней от забора к щоссе метнулась другая. И вот уже опять нет никого. Кругом только непроглядная тьма. А рано утром людиновцы разбудили нескользкими взрывами. На месте происшествия мельчали моторолики, направляясь к перекресткам. Одна машина с солдатами в кузове вырвалась на Жиздринский больничек. Почти у самой больницы, у украинских домиков, раздался новый взрыв, и машины полетели в ковш.

Так юные подпольщики приступили к выполнению нового боевого задания.

Каждую ночь взлетали на воздух вражеские машины, сходили с рельсов железнодорожные составы.

Взвешенные гильтеровцы решили перенести майны на южном щоссе, но и там их подстерегали партизанские мины. Тогда оккупанты стали послыпать перед машинами сажевыми сминоискателями. Но подпольщики перехватили их снова. Шурик Лясоцкий предложил заменить металлические капсюли карточными. Такую мину миноискатель обнаружить не мог. Машины по-прежнему летели под откос.

Оккупанты решились на дьявольскую меру. По их приказу полиция стала жалеть на рабочих. Шарыгин, вспомнив о своей первой любви, тоже начал думать о другой половине — аптеке. Жилье комнаты связанны с аптекой узкой внутренней лестницей. В случае необходимости из больницы можно выйти через небольшую комнату на запасную лестницу, затем в подвал, а оттуда на улицу, в соседний двор.

Зарецкая принесла бинты и лекарства. Леша рассказал таблетки по карманам, а бинты и пузырьки с йодом заломил в руках забинтованной щоссе и за пазуху. В этот момент в комнату ворвались солдаты Соболев.

— Гестаповцы!

Едва же Лешей закрылась дверь, внизу затопали. Юноша на цыпочках продвигался к лестнице. А фашисты уже были в той комнате, откуда он только что вышел. Кто-то дернул дверную ручку. Леша замер на ступенке. Для него донесся спокойный голос Азаровой:

— Вы не туда стучите, господин. Мы здесь живем. Вот там дверь.

— Гестаповцы!

— П rustas комната — все так же спокойно отвечала Клавдия Антоновна. — Если хотите, могу показать. Сейчас только клюки принесу.

Когда наконец она подобрала ключ и впустила гитлерцев в комнату, Леша был уже вне опасности.

Недавно погибла и отцу принесли брат Алексея Шумавцова — Александра, техник-лейтенант занялся.

— Смотри, как выросло за последние годы наше Людиново! — говорит Семен Федорович Шумавцов.

Фото М. Муразова.

Вынув руку из перевязи, Леша подал записку.

Женщина заглянула в соседнюю комнату и сказала кому-то:

— Леша, приготовь бинты, йод, таблетки от гриппа и головной боли!

Много раз бывал уже Леша здесь, у Клавдии Антоновны Азаровой. Так же, как и он, Азарова осталась в городе по заданию подпольного района партии. Вместе с ней работали и жили в больнице медицинская сестра Ольга Соболева и медсестра Зарецкая и двоюродная Соболев и Евгения.

Связь с отрядом Азарова держала через молодежную группу Шумавцова, через нее же регулярно переправлялись в отряд нужные медикаменты. Вот и сейчас, когда ведут парализацию тяжелые, изнурительные бои с карательями, опять потребовались перевязочные средства.

Леше хорошо знаком этот двухэтажный дом на Набережной. Четыре этажа, из которых одно земляное, а другое — деревянное — было заложено, а другое — аптека. Жилье комнаты связанны с аптекой узкой внутренней лестницей. В случае необходимости из больницы можно выйти через небольшую комнату на запасную лестницу, затем в подвал, а оттуда на улицу, в соседний двор.

Зарецкая принесла бинты и лекарства. Леша рассказал таблетки по карманам, а бинты и пузырьки с йодом заломил в руках забинтованной щоссе и за пазуху. В этот момент в комнату ворвались солдаты Соболев.

— Гестаповцы!

Едва же Лешей закрылась дверь, внизу затопали. Юноша на цыпочках продвигался к лестнице. А фашисты уже были в той комнате, откуда он только что вышел. Кто-то дернул дверную ручку. Леша замер на ступенке.

Для него донесся спокойный голос Азаровой:

— Вы не туда стучите, господин. Мы здесь живем. Вот там дверь.

— Гестаповцы!

— П rustas комната — все так же спокойно отвечала Клавдия Антоновна. — Если хотите, могу показать. Сейчас только клюки принесу.

Когда наконец она подобрала ключ и впустила гитлерцев в комнату, Леша был уже вне опасности.

ТАЙНЫЙ ДРУГ

Золотужки ворвал в руках печать.

— Гм, самая настоящая! Как только он ухитился ее достать? — И командир вопросительно взглянул на Постыдина.

— Похоже, что у него кто-то в командатуре есть.

Афанасий Ильин был недалек от истины. Леша действительно прибрел в командатуре тайного друга. Но только тот не помогал добывать ему печать. Наоборот, история с печаткой неожиданно столкнула их.

Так же, как и его дружи Шурик Лясоцкий и Толя Апатьев, Леша тоже был на заводе. Следить за состоянием городской электросети входило в их обязанности. Теперь подпольщики могли беспрепятственно появляться в любом месте. Как то Леша, нацепив на ноги монтерские кошки, взобрался на ступы у самого здания командатуры.

В этот день у гитлеровцев был какой-то праздник. В командатуре никого не было, кроме дежурного в приемной. Да и тот увлекся беседой с зашедшей в командатуру девушки. Вдруг в кабинете раздался звонок.

Одну минуточку. Я сейчас.

— Нет, я пойду с вами, — заволновалась девушка и решительно взяла под руку дежурного.

Кабинете снова раздался звонок, на этот раз более продолжительный. Дежурный бросился туда, снял трубку:

— Да. Это дежурный. Господин командант на охоте. Хорошо, сейчас запишу... — И он начал записывать длиннющей телефонограммой.

В это время на подоконнике в приемной показалась мальчишеская фигура. Быстро огляделась, мальчишка спрыгнул на пол, подскочил к столу. Открыла сейфный ящик, он свалился там что-то и бросился назад.

Леша слез со стобла, закинул кошку на плечо и непропорционально свернулся за угол. Там его поднял мальчишка. Он быстро передал Алексею пожизненную печать и исчез в соседнем дворе.

Вдруг Леша почувствовал, как кто-то взял его за локоть. Очутился. Перед ним стоял перевязанный командиром, о котором много говорили лодыничи.

— Ты отчаянный парень, — сказал он, глядя на Леша прямо в глаза, — но так грубо делать, как сегодня, не годится. Учи на будущее.

Никогда не забудет наш народ бессмертного подвига лодынического ордена... Никогда драматичные имена Алексея Шумавцева, примирившего с месту гибели молодых подпольщиков Алексея Шумавцева и Александра Лясоцкого.

шее. — И он круто повернулся, оставил растерянного Лешу одного.

Через несколько дней Леша снова столкнулся с ним на косу с незнакомцем. Тот подмигнул Алексею, и они разошлись.

Всего через неделю пришла Леша мысль: тайный друг поможет ему выполнить новое задание командира.

Алексея отправился в командатуру.

— Будьте добры, — обратился он к первоводичку, — устройте мне пропуск в деревню. Дядя мой тяжело заболел. Ему нужны лекарства. А там близко дом идут, не пускают. Помогите, пожалуйста!

Они внимательно смотрели друг на друга.

Наконец первоводичка сказала:

— Конечно, будет тебе пропуск в прифронтовую зону. А ты где будешь прописаться?

Леша отвечал: времени даже не вспомни.

— Большое спасибо вам. Только как вас зовут? От кого привет-то передавали?

— Юрий Я. из Ростова, Пленный.

Целую неделю Леша пробил в прифронтовой полосе.

Так в руках нашего командования оказались ценные сведения о второй линии обороны противника в районе Людиново. 26 сентября 1942 года Леша послал в отряд два донесения. К ним прилагались сделанные от руки скizы.

«Орела» сообщила о скоплении войск у Пскурского моста, об укреплениях на перешейке вдоль Агейской дороги. А в конца, рядом с подпись, юный разведчик по-мальчишески прописал: «Прекрасное место для бомбёжки, твериц командир!»

БЕССМЕРТИЕ

По-осеннему тоскливо шумят Брянский лес. Забко и сырь. Уже вторые сутки ждет Зина в установленном месте кого-либо из подпольщиков. А на все нет и нет! Одиночка бродит созерцаю по знакомым тропкам. Вот и мугучий дуб, место их постоянных встреч... Неужели что-то случилось? И Зина решала сходить в город.

Вот и изба партизана Мартынова. Торопливы стук в окно. Чье-то лицо мельнуло за занавеской. Хлопнула дверь в сенях.

— Митрофанова, что слышно в городе? — зарычал, пугаясь ответа, тихо спросила Зина.

— Ии, миля, а не спрашивай! Забыли многое. И друзья твои там... Лясоцкий, Шумавцов.

— Ну, а сестренки мои?

— И они... —

...Дверь камеры захлопнулась. Леша огляделся. Всё сплошь, пронизанный смехом, маленько ощущалось, тускло падал на сырьи стены. Усевшись на под, Алексейстал размышлять. За что же могли арестовать? Как-то осенне его тоже забрали в полицию, подозревали в краже часов у какого-то офицера. Продержали два дня, потом выпустили. А что могло быть теперь? Звякину засос. Взошел по лицу.

— Не допрос, — коротко бросил он.

За камином сидел старший следователь линговской Иванов. Иванов. Кроме него, в камине находились две двери. Леша понял, что их кто-то выдал. Иванов мазал фамилии Лясоцкого, Апатьева, «Шуры» и Тони Хотеевых, спрашивал, кто еще был участником подпольной группы. Леша молчал. Тогда его стали бить. Били размахом, страшно и жестоко. Леша по-прежнему молчал. Тогда один из полицейских скватил его за руки и начал с силой вывертывать их. Но лбу у Леши выпустила испарина.

— Я заставлю тебя говорить! — Иванов в бешенстве наотмашь ударил его кулаком по лицу.

Леша вместе с кровью выплюнул на пол несколько зубров...

Когда его привели обратно, в камере уже сидели Шурик Лясоцкий и Толя Апатьев. Их взяли следом за Шумавцовыми.

...Как в тумане, вошла в комнату следователя Шура Хотеева. Иванов то-то говорил ей, кричал, кажется, грозил, но она, прямо взглянув в лицо плачу, спокойно сказала:

— Я не буду отвечать тебе. Можете убить меня, но я ничего не скажу.

Ее били долго и безжалостно. Били резн-

новыми плетками, шомполами, топтали сапогами. Взбешенный Иванов приказал поместить Лешу в темную одиночку.

В домах арестованных поминая произвела обыски. На чердаке у Лясоцких обнаружили Бандитов и Бандитовщину.

Тяжелой Бандитовской речи бабушка Евдокия Андреевна со своим внуком Лешу со скрученными же спины руками привезли домой на телеге. Солдаты приились ковырять во дворе землю, переворнули все в избе, лазили на чердак. Там они обнаружили пистолет и с десятком патронов. Когда увозили Алексея обратно, кинулась к нему Евдокия Андреевна.

— Успокойся, бача, — услышала, как в полу-сне, голос внука, — все будет в порядке, роди-на.

До последних дней жизни поминая бабушка эти слова.

В канун Октябрьской годовщины полиции зверски расстреляли как заложников семью Лясоцких и Рыбниковых. Были среди убитых и маленькие дети.

Иванов и его подручные тщетно пытались заставить говорить Шумавцева и его друзей. Кому-то из оккупантов пришла в голову караульная мысль: отправить в лес карательную экспедицию, и пусть впереди идут эти управляемые дьяволы, чтобы людиноубийцы думали о них, как о предателях.

Ранним утром, по предупреждению к Лесу двинулась необычная процессия. Впереди Леша Шумавцев и Шурик Лясоцкий с связанными прозолкой руками. Позади рота полицейских, гитлеровцы.

Целый день блуждали караулы по лесу без толку. Но вот Леша и Шурик переглянулись — экспедиция случайно подошла к месту их обычного свидания со связанными. Сегодня воскресенье. А вдруг кто-нибудь из партизан сейчас там? Вот и их дуб. Надо что-то предпринять. Леша показалось, что кусты возле дуба вспыхнули.

Товарищ Полицай! — как можно громче крикнули он.

Его сбили с ног. Но это в же время раздался голос Шурика:

— Стреляйте, братцы!

Из-за кустов раздались выстрелы. Упал извничий шедший впереди полицейский. Беспорядочно отстреливались, караулы отступили. Ушли и партизаны. Их было только двое: Афанасий Пимыков и Петр Суровцов. Они-то и рассказали партизанам о трагической встрече.

Тут же, в лесу, караулы расправились с Лешем и Шуриком. Озвездились гитлеровцы обезглавили Шумавцева. В этот же день погибли Тоня и Шура Хотеевы, Толя Апатьев.

* * *

Недавно в Людиново состоялся судебный процесс по делу предателя Родины Иванова.

Как ни пытались изворачиваться палач, он вынужден был сознаться в своих злодействиях. Тяжелые, неопровергаемые улики. Примирительный конспект показаний очевидцев и документов разысканных работниками Калужского областного управления госбезопасности, Иванов рассказал о том, как мужественно держали себя подчиненные молодые подпольщики, о том, что они никому не выдали и геронически приняли смерть.

Стало известно на процессе и имена того, кто предал группу Шумавцева. Однажды Шумавцов попросил Прохора Соцкого (он тоже работал на локомотивном заводе) назвать имена тех, кто сотрудничает с оккупантами. Соцкий жил на квартире у начальника цеха Гришина, которому и сболтнула о данном ему поручении. Гришин оказался тайным агентом гитлеровцев. Он же и донес на подпольщиков.

Подсудимые Шумавцевы вспомнили живы в памяти советских людей. Их имена называли пионерские дружинки, лучшие комсомольско-молодежные бригады. По решению областных организаций в Людинове сооружается памятник героям. Во многих местах уже состоялись встречи молодежи с теми, кто знал юных подпольщиков. В Людиновском райкоме комсомола приходит множество пионеров. В них юноши и девушки пишут о своей заветной мечте — быть похожими на людиновских орлят. Это самый лучший памятник юным героям.

КРЕПНЕТ НАША ДРУЖБА

Фото Г. Фибига (ГДР).

Восемь лет назад в центре Европы было создано новое, миролюбивое и демократическое государство — Германский Демократический共和国 (ГДР). Это государство, которое впервые в истории Германии стало подлинным сподвижником мира и прогресса.

За годы народной власти в ГДР развернулась в развитую индустриальную страну. Здесь расположены новые крупные предприятия тяжелой промышленности: сталелитейный завод «Саксония», горнодобывающий комбинат «ОСГ», крупнейший в мире завод производящий конвекторы для атомных архивов. Многие старые предприятия расширены или реконструированы. По валовому продукту ГДР занимает первое место в мире.

Новая жизнь пришла и в немецком деревне. В республике работают 1200 предприятий электростанций, более 6500 сельскохозяйственных производственных кооперативов, обрабатывающих четверть всей полезной сельскохозяйственной площади.

Вот уже два года каждая деревня Германии там бурно не развивалась, просвещение, здравоохранение, народное образование, народная Германская Демократическая Республика. Уже многие тысячи новых рабочих и крестьянских детей учились и работают теперь инженерами, преподавателями, зоотехниками.

Уже в 1955 году завершился пятилетний

план в 1955 году, труженики ГДР

создали прочную экономическую базу для дальнейшего развития.

В прошлом году они начали

рабочую за выполнение второй пятилетки.

Почти все школьники деревни Заупсдорф переписываются с советскими ребятами. Бертель Венерт только что получил письмо из г. Калинин из Инны Красновой.

С каждым годом растет международный авторитет Германской Демократической Республики. Она занимает все более прочное положение в международной политической и экономической жизни.

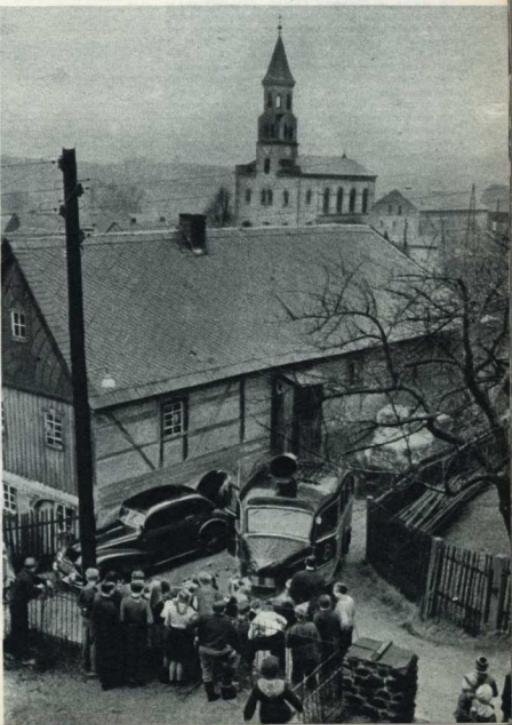
От имени своих тружеников, трудящихся ГДР с глубокой благодарностью восхищаются братским и солидарным отношением, проявляемым

ними в странах социалистического лагера и в первую очередь в СССР. Непрерывно крепущую дружбу и сотрудничество между нашей страной и Советским Союзом подтверждает публикий является верной гаранцией счастливого будущего немецкого народа.

Дружба советского народа и народа Германской Демократической Республики может привести для всех тех, кто хотел бы развязать новую войну.

Советские люди горячо желают

трудящимся Германской Демократической Республики новых достижений в социалистическом строительстве, новых побед в борьбе за мир, в борьбе за светлое будущее немецкого народа.

←
Разговор идет «профессиональный». Солдат-сапожник солдат показывает машины, на какую надо управлять машиной.

Когда я вырасту и выступлю на широкую сцену, то приду к тебе в гости в Советский Союз, — говорит Петер.

→
Автогруп Германо-советской дружбы прибыл в деревню Заупсдорф.

КОСМАТЫЙ

Рассказ

Читателям «Смены»

С любовью и самыми теплыми, дружескими чувствами приветствую молодых читателей «Смены». Ты не будешь заморачиваться этими коротких строках, пускай расскажут мои проповеди.

Жужка Турин

На самой высокой вершине Мартра в дремучем лесу приоткрылась маленькая деревушка. На единственной вьющейся в гору кривой улице выстроились друг подле друга крохотные домишко с узкими пустынными двориками. Меж камней не видно ни деревьев, ни цветка, ни травинки, словно могучие горы и пестрые поля окружали деревушку, впитали в себя все жизненные соки земли, не оставив ни капельки.

Еще недавно здесь жили очень бедные люди — лесорубы-поденщики. Они неделями пропадали в лесу, а когда не было работы, сидели, сгорбившись, в домишках у очагов. Во дворах не было слышно ни птичьего гомоны, ни басовитого хрюканья смычных свиней, ни мычания коров.

После освобождения страны от гитлеровцев жители деревни поднялись из-под земли, освободились от бедности. Немало времени прошло, пока семья Мартона Келе поняла, что жизнь изменилась к лучшему. Мартон не ходил больше на поденки к господам из акционерного общества. Он почувствовал себя свободным человеком. Работая в государственном лесу, Мартон по субботам приносил домой недельный заработок, которого было вполне достаточно, чтобы жить безбедно.

«Вот уже несколько воскресений Мартон что-то мастерит у себя во дворе. Его жена Рокси ничего не спрашивает. Она только искоса поглядывает на длинные балки, kostыли да железные брусья. Ей и так понятно, что задумал Мартон: над постройкой хлева голову ломает. И Мартону тоже очень хорошо известно, на что жена колят деньги в маленькой, обшитой красным бархатом коробке. Будущей осенью корову купить решено. Ведь у них одна лестница и две при надлежащих житиях деревни, пасется на склонах холма. Иногда Рокси выныает содер жимое коробки в подвал, медленно, вполголоса пересчитывает, а затем озабоченно говорит:

— Как бы не убежали наши денежки! Келитуто ночью каждый отворить может.

Мартон смеется, глядя на обеспокоенную Рокси. И хотя подобные опасения кажутся ему напрасными, он все же здумывается над тем, как бы уговорить жену.

С бутылкой Мартон Келе возвращается из леса, как обычно, после полудня. На боку у него висела пустая сумка, а куртка как-то странно топорщилась и шевелилась. Лицо Мартона сияло ульбкой.

— Ну, вот тебе и сторож! — сказал он. Из-под куртки выплыла серый клубок. Четыре широкие лапы направленно растопырились на каменном полу кухни. Задрав кверху мокрый черный нос, щенок трусливо и просьбисто уставился на женщину блестящими глазами, шевелясь пуштым хвостом. Роже отчужденно поглядела на собачонку и непривычно спросила:

— Это еще зачем понадобилось? Хлеб даром губят?

— Быть хлеба не надо, — махнул рукой Мартон, — очистки от картошки есть будет да остатки супа. Пес косматый, выдержит и дожди и сужу, будет жить на двере, дом охранять да твою шакту... Правда, Мишик — поддумнул Мартон воспоминательно сыну, который только что пришел из школы и стоял тут же, понимающими племяннико и косясь на серого щенка. А тот покорно и дружелюбно глядел теперь уже на Миши. Миши разнодушино спросил отца:

— Его Косматым зовут?

Так и осталась за собой эта кличка. Косматый поселился во дворе, вход в дом ему

был запрещен. Если иногда он подходил к дверям кухни, Рокси прогоняла его:

— Ну, ты чего здесь ишьешь? Что дом не стерегешь?

Однажды Косматый укрывался под деревянным настеном и то склоняя глядя оттуда на кухонную дверь, за которой весело потрескивал огонь и варился вкусный суп...

Когда Миши приходил на школу, Косматый не бежал ему навстречу и не вилял хвостом, только издало доносилось его коротков и радостное тявканье. Но мальчик был мимо, не подбирал ни единого взгляда к неразумному животине, как и раньше называл Косматого.

В один Новый год Косматому не привыкли, но и любви на его долю не доставалось. Его серая, пышная шубка не знала ласкающей руки, он не слышал ни единого добrego слова... Косматому не было места в кругу семьи. Несмотря на это, он рос, и, когда на горную деревушку навалилась зима, серый клубок превратился в собаку с густой шерстью.

Все вокруг покрыло снежной одеяло, и ма ленькие, лепающие друг к другу домики, казались, забыты, принужденные под его тяжестью.

В понедельник Мартон Келе проснулся задолго до рассвета. Жена тоже сокочила с постели и разожгла огонь, сварила суп. Она сложила в сумку Мартону весь его недельный

Рисунок А. Лурье.

ный провант: хлеб, сало, овечий сыр. Гопрячу пищу лесорубы сами на месте готовили.

Мартон направился вниз по кривой уличке, затем зевнул на лесную дорогу.

Протиснувшись между супостатом, ложжаданным субботний полдень. Рокси сунулась, южная мука. Вымыла комнаты, расчистила дорожку во дворе.

— И где это животное шляется! — проворчала она, неодобрительно покачав головой. — Настигнула рабушку Миши. После полудня мыльно нарушала сонную тишину кухни!

Погруженный, какие стихи выучил... Миши читал стихи, Рокси одобрительно кивала и думала про себя: выучится Миши —

человеком станет, он и сейчас уже пишет красненько и читает лучше, чем отец. Год — да спустя в городскую школу пойдет, а потом, может, и доктором станет в какой-нибудь будущей больнице...

Пока она так размышляла, на двор опустился темный вечер, в печке начал затухать огонь. Грустный вдруг показалась кухня, еще недавно теплая и приветливая. Рожки встала, подбросила в огонь парочку поленец. Миши щелкнул выключателем. Женщина поглядела на слабый свет лампочки.

— Умный человек придумал это, — вздохнув, сказала она, — и еще умнее тот, кто прописал в книжке, чтобы не забыть. Но... Однако пора бы уже и Мартону прийти...

А Мартон Келе еще в два часа отправился домой. Он рассчитывал, что доберется за светлое, если выберет путь по окрестам. Снег похрустывал под его башмаками, свирели кружащиеся в воздухе маленькие снежинки. Мартон быстро шагал, углубясь в усы. Во внутреннем кармане его бархатной бешкетке лежала несколько аккуратно сложенных бумажек в эту неделю он славно потрудился и хорошо заработал. Вот Рожки обрадуется! Ведь она там может получить корюку. Вдруг он почувствовал, что хватает руки на плечи погибшей ринки. Прошло несколько секунд, пока из сноса не почуствовал твердой почвы под ногами, но колено ушедшими в снег. Он оглянулся и недовольно сплюнул. Вот чертозинац!.. Мартон провалился в глубокую яму меж двумя лесными вырубками. Кругом крутые склоны, нигде ни ветки, ни корни, за что можно было бы ухватиться. Он долго ходил по узкой, похожей на корыто, расщелине, все прикидывая, как бы выбраться, а потом потерял надежду... Самому отсюда не выкарабкаться. Знает, когда его найдут! До того времена, как придут солдаты, угрел с головой...

Сомнения начали охватывать густой, черный захват. На дне скрывающейся вспышки, Марта Келе он выкрикивал:

— Эй, люди! Эг-гэ...

Ему, с малолетства знакомому с лесным миром, глубоким тишинам казалась теперь страшной.

Вдруг до его ушей донеслось негромкое тявканье. Онглянулся в ту сторону, откуда посыпалась земля. Глаза давно привыкли к темноте. Наверху, у края ямы, что-то шевелилось.

— Косматый! — крикнул Мартон. — Это ты, Косматый?

В ответ раздался громкий лай.

— Косматый! — оять крикнул Мартон, но краю обрыва снова наступила тишина.

Мартон Келе настороженно прислушивался. Луна негромко выплыла из-за туч и повисла над лесом. Сверкая медленно падавший снег. А внизу, в узкой теснине, по-прежнему было темно.

Косматый между тем добежал до дома и начал громко лаять у кухонной двери.

— Беспись, тут это про��ает животное, — проворчала Рожки. Потеряя терпение, она схватила метлу и распахнула дверь кухни... Но Косматый не убежал с подъятым хвостом, а, вцепившись в юбку хозяйки, дергал и тянул ее за собой.

— Что с ним такое, Миши? — удивленно проговорила она и прислонила метлу к двери.

Миши уже был на ногах. Он посмотрел на бешеный танец собаки, вертящихся вокруг матери, и сказал:

— Косматый зовет тебя, мама... Может, отец знает что-нибудь?

— Что же! Слышит он собаку посыпать!

Все же он закуталась в большой платок, Миши надел маленький бешкет, и они отправились в лес.

Луна освещала им путь. Ноги оставляли глубокие следы на снегу. Косматый бежал то спереди, то сзади, дергал Рожки за юбку, тронул семенившего за него мальчишку. Время от времени Миши кричал в ночную тишину леса:

— Отец! Отец!

И вдруг он услышал пронгущенный голос:

— Эй, Миши!

Косматый уже лаял на краю ямы. Миши вошел вдх побежал на крик. За ним, охая и спотыкаясь, спешила Рожки.

Воспринявший духом Мартон закричал:

— Принесите-ка мне две жерди, да по-длиннее!

Миши приволок жерди и с помощью Рожки опустил их в яму. Мартон Келе вскарабкался на наверх и, кряхнув, растянулся в снегу перед женой и сыном. Потом он размяк одеревеневшие ноги, потер красный от мороза щеки и через несколько минут уже смеялся над причитаниями жены. Они двинулись домой. Косматый неуменно вертес под ногами, нюхал снег, забирал вперед, как бы показывал дорогу к дому.

Некоторое время спустя Мартон Келе хвебал горячий суп, лежа под теплой периной. Миши, скрючившись, сидел на краю постели, а Рожки подкладывала в очаг поплавки. За деревню изредка слышались осторожные, короткое тявканье. Рожки делала вид, что ничего не замечает, но то и дело поглядывала на дверь. Мартон Келе разгадал мысли жены.

— Снег у него к шерсти прилип. Подсушьться и не гдеть!

Рожки была права на крыльях. В первый раз она дружески обратилась к собаке, в первый раз назвала ее по имени.

— Ну, или к огню, Косматый!

Пес остановился на пороге, посмотрел на хозяйку и, вильнув хвостом, прошел в кухню. Перед очагом он еще раз оглянулся на хозяйству, леж на полу и закрыл глаза. В кухне воцарилась тишина, нарушаемая лишь сонным посапыванием Косматого. Мартон Келе сказал:

— Славная собака! Не будь ее, замерзать бы мы в яме!

— Ну, что ты! — махнув рукой, проговорила Рожки.

Она вышла во двор, вернулась со старой жестянкой миской, наполнила ее до краев густым супом и поставила перед Косматым:

— Ну, еш!

Миши потушил свет, и вскоре все погрузилось в сон. Четыре дыхания слились здено. Четвертое принадлежало Косматому. Он свернулся калачиком возле очага и спал, положив на передние лапы лохматую голову.

Перевела с венгерского
Елена ТУМАРИНА.

Книжная полка

«ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ»

«Об Ильине можно написать годы интереснейших статей и книг. Целью моих воспоминаний было напомнить о событиях тех лет, которые приходилось жить и работать Владимир Ильину», — пишет Н. К. Крупская в своей книге «Воспоминания о Ленине», выпущенной Государственным издательством политической литературы.

Книга эта является наиболее полным изданием воспоминаний Крупской о Ленине.

Перед читателями развертывается национальная история страны германской жизни и деятельности Ильина. Вот Ильин в Питере спасает марксистов от преследования, пишет «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Вот он готовится к выступлению на конференции в Риге и встречает на пути Устав партии... Затем эмиграция, борьба с оппортунистами Интернационала, И. и наоник, 1917 год, первые шаги Советской власти...

Со странной легкостью встает живой, насыщенный образ человека, членом которого была отдана народу, делу освобождения трудящихся и построению нового, социалистического общества.

«ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ СВЕРДЛОВ»

Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга «Яков Михайлович Свердлов».

В ней близкий друг и соратник Якова Михайловича К. Т. Свердлова рассказывает о жизненном пути плавающего на жизненных волнах, выдающегося деятеля Советского государства.

Обладая непримнимым талантом организатора, Свердлов уже в 1905 году, когда ему было двадцать лет, стал одним из организаторов революционного рабочего движения в России. Партии направляемой Свердловым на массовые участии рабочих демонстраций, он сам справлялся со всеми ее заданиями. Даже будучи в ссылке или тюрьме, Свердлов находил возможность поддерживать связь с массами, организовывать людей на борьбу, руководить ими.

Организаторские способности Свердлова развернулись во всю ширь в боевые Октябрьские дни. Яков Михайлович был одним из первых помощников В. И. Ленина в годы становления Советской власти.

Владимир Ильин называл его «человеком, выработавшим в себе «исключительный организаторский талант».

«Память о тов. Я. М. Свердлове», — говорит Ленин, — будет служить примером самому якобинцу революционера своему делу, будет служить... образцом сочетания прямого и косвенного методов, умения управлять массами, с умением их направлять».

«ИЗ ПЕРЕЖИТОГО»

Широкой известностью у нас в стране пользуется книга старого большевика С. Г. Струминика. Еще двадцатилетним юношей Струминик стал марксистом, профессиональным революционером.

Терпеливый и полный тяжких испытаний жизнью путь этого богат архивом событий жизни С. Г. Струминика был деятельным участником революционного подполья и всех трех гражданских войн. За свою революционную борьбу неоднократно сидел в тюрьмах, отбывал ссылку. Но путь его был полон неизвестных пыток и истязаний. Но ничто не могло сломить стойкости коммуниста. Вырываясь на волю Струминик с огнем и боязнью энергично продолжал вести борьбу против самодержавия.

В своем автобиографии «Из пережитого», выпущенном Государственным издательством политической литературы, Струминик рассказывает о людях и событиях германских революционных лет.

Китайская экспедиция переправляется через широкий Амур на советский берег.

РЕКА ДРУЖБЫ

О. КАЛИНЕНКО

Прошлым летом на берегу Амура, недалеко от Благовещенска, вырос палаточный городок. Такой же городок раскинулся и на другом берегу.

Прокачавшись по реке, я стал шагать из лодки в лодку, стоящие на берегу.

Куда же движется этот фронт, занявший оба берега пограничной реки? Здесь работают две экспедиции: советская — Амурская и китайская — Хэйлунцзянская.

Китайцы называют Амур «Черным драконом» — рекой «Чёрного дракона». Река Амур пронесёт большую беду, если обижут оба берега. И для того, чтобы покорить могучую реку, надо сначала изучить ее. Советская и китайская экспедиции — две руки, делающие одно великое дело.

ЕСТЬ СЕСТЬ В МАШИНИ ВРЕМЕНИ...

Что же представляет собой эта река — «Черный дракон»? Чтобы не донимать спасиателей рассказами, давайте сами мысленно совершим путешествие в прошлое Амура.

...1643 год. По таёжным приморским тропам идет со своими товарищами письменный голова Василий Покров. Усталый путник, покрытый одеяком, несет на плечах холода и жару. Но ящики упорно подтягиваются вперед и достигают устья Амура, чтобы потом, возвратясь с ясными сбоями к себе в Якутск, сообщить властям о «нозопринской реке».

Проходят годы, и здесь, на берегах Амура, дальневосточный поэт Петр Комаров пишет плененные

строки, посвященные этим мужественным людям:

Землеходы прошли босые,
Топором прорубая пути.
Но вперед не шли, Россия,
Добрыйм именем поминуть.

...1849 год. «Вопрос об Амуре, как река бесплодной, оставаться», — это написал своей рукой Николай I. Надменный вельможа сквозь зубы повторяет скромному морскому офицеру Геннадию Невельскому мнение царя:

— Открытие вами признано вполне невероятно, обо прогнившими авторитетами... Три знаменитых путешественника: российский Крузенштерн, французский Лаперуз и англичанин Браунтон, а недавно и Гаррилов привели к одному выводу: Сахалин — полуостров, и Амур недоступен для кораблей.

В открытом взгляде моряка мелькнул усмешка.

— Да, ваше высочество, двести лет историй ушли за то, чтобы исследование начисто еще Поряков! Между тем проплив есть, и нет нашим судам надобности огибать Африку и Азию, чтобы доставить груз из России на Камчатку.

Так «дереко» смеет рассуждать Геннадий Невельской, командир транспорта «Байкал». Да ему ли болтаться словами, когда на него показали пистолет, правую, отправившую в плавание на трех шлюпках, он открыл таинственные морские ворота¹, соединяющие мелководный Амурский лиман с Охотским морем!

...1954 год. Волны Амура захлестывают возделанные поля. Это последние козыри «Черного дракона». Скоро он будет покорен.

Пока инженеры думают о пло-

¹ Теперь пролив Невельского.

тинах и каналах, геоморфологи, бродя по горам и ущельям, читают прошлое Амура, чтобы строители не наткнулись на погребенные долины древних рек, не попались в расставленные природой ловушки.

ГРАНИЦА, СОЕДИНЯЮЩАЯ ДВЕ СТРАНЫ

Теперь заглянем в будущее. На берегу реки стоит первенец Амурского каскада — Джалиндская ГЭС.

Строгие и стройные очертания кажутся знакомыми: что-то похожее мы видели в триумфальной арке Волго-Донской каскадной гидроэнергетической станции в Москве. Но здесь, на широком Амуре, сооружены еще грандиозней. В верхнем его течении — Джалиндская, Кузнецкая, Сухотинская, Благовещенская электростанции. В среднем — Пограничная и Хинганская...

Ажурные корпуса стальных опор устремляются на юг, через степи и горы. Кажется, они гигантскими шагами измеряют расстояние до Пекина.

Все вместе амурские станции достигнут мощности 9 миллионов

На берегах Амура появился палаточный городок советской и китайской экспедиций. Заканчивается на волнах матери, работают лаборатории, дымят полевые кухни...

Хэйлунцзянская экспедиция Академии наук Китайской Народной Республики ведет геодезическую съемку в створе будущей плотины.

черного ферзя заменить ладьей, слоном, конем или пешкой, то возникают новые оригинальные задачи с различными решениями.

Лб6+; Кр4-Лб3+; Лд1-Кр1; Сс4-Лб1; Са2-Кс2Х; 1... Кс4! 2. Кс1; Ка4 3. Кс3Х; 1... Кс5 2. Кс1; Ка4 3. Кс3Х; 1... Кс5 2. Лб3+; Кра4 3. Кс3Х.

VII

Белые: КрF2, пп. b2, d2, g3, e2, 14, e5, h5, h7.
Черные: КрР4, Сс6, пп. ab, b7, d7, e7, h2, h5.

Чтобы королевские саваны в морском положении, нужно слова белых поставить на поле D1.

VIII

Белые: КрР4, Лg5, Сh7, пп. e3, 15.
Черные: КреF, Фd7, Лd8, Лh1, Сh2, Сh3, пп. a2, g2, h2.

Белые: заставляют отрывать свою королю мат в четырех хода, при условии смысла матов в позиции черных.

Им: С: b7 - С: d7; Л: c1 - З: d7+; С: e7 - Л: f7; f7+, Кр: f7x или С: a3 - С: d2, Л: e7+; С: e7 - Л: f7+; Кр: f7+; 4. С: g8+; Л: g8X.

IX

Белые: КреI, Фe1, Лd4-Лb1, Сb6, Сf1, Кс7, Кd5, пп. b7, e7, f7, g7, h7, h2, h5, h7.
Черные: КрР4, Лb8, Лd2, Сa5, пп. b7.

В этой задаче обратный мат в позиции достигается сменой цветов и путем необычным путем: 1. ВФd4-Л: f6 2. e7+!; Кр7 3. Ксб8+; Крб8 4. Сd7+; Крб7 5. Сd8+; Крб6 6. ВФd8+; Крб5 7. Крб7-Крб8 8. 0-0-0; Крб9 9. Лd8, пп. 10. Сf5 11. Лd1+!; f5 12. b4+; g3 13. Сh1, h2x.

X

Белые: КрР1, Лa3, Лd8, Сd3, Коб, Коб, пп. a7, b7, c7, d7, e7, f7, g7, h7.

Черные: КрР3, Лd8, Лd7, КрР4, Лd7, пп. a7, b7, c7.

В победе в этом головном эпизоде приходит белые серии эффектных неожиданных маневров:

Лб5! 2. Лd8! 3. Сd5! 4. Лb8! 5. Сd6! 6. Лd7! 7. Сd7! 8. Лb8! 9. Сd8! 10. Лd9! 11. Сd9! 12. Лd10! 13. Лd11! 14. Лd12! 15. Лd13! 16. Лd14! 17. Лd15! 18. Ке7 и белые выигрывают.

Дипломант — призер а также классифицированные удостоеными участникам поездки детям из шахматной олимпиады — будут высланы в ноябрь.

Четверо смелых

Мальчики уловились воскресенье провести вместе, только юнцы за окончанием дормитория, как Юрий Корнильчик, щедкий впереди, остановился.

— Гляньте, пожар! — тревожно прошептал он, показывая на синварину южного крыльца.

Прямо через поле ребята бросились к синварину. Из-под кровли, сквозь щели

СУДЬБА БЛИЗНЕЦОВ

Недавно я получила письмо из Нальчика. В конверте оказались пять фотографий молодых людей — двух юношей и трех девушек — и трех фотографий семейной жизни.

Лицца их мне не были знакомы. Но первые две фотографии снятым ровесником, убористым почерком, напомнили мне долгую историю одной семьи.

...Осенью 1934 года в Нальчике в семье стационарной группы Малеевых родились четыре близнеца.

Весть о том сразу облетела весь город. Среди неизвестных людей праздновали счастливых родителей. Но, кроме радости, было и немалое притяжение в дом и новые хлопоты. Поставленные в ряд детские кровати затесались в небольшой комнате Малеевых. Мать не имела свободной минуты. Всед и вспоминали ее. Ирина Ефимовна испытывала два года.

Как сложилась бы судьба близнецов, если бы не случилось съезд? Да и не об этом речь. Советская Родина спасла семью Малеевых от грядущей материальной заботы. Вскоре родители с четырьмя переселились в новую прокураторскую квартиру. Государство оказала Малеевым денежную помощь, взяло на содержание младенцев врачи, медико-санитарные сестры. А 25 октября 1934 года газета «Правда» опубликовала фотографию семьи Малеевых. Судьбы ребятинок стало кровным делом стра-

ны, многих простых людей. Шли годы, дети росли, делали свои первые шаги по жизни. Близнецы уже готовы к самостоятельной жизни, когда на нашу землю напали фашистские орды.

Мальчики-старшие вместе с одноклассниками других школ учены на фронт защищать счастье своей земли, свободу.

Стойко перенесла простая советская семья, в которой родились четверо детей, трагедии войны. А когда вернулся с фронта отец, они вместе с мамой жили в счастье.

И вот сейчас перед моей фотографии возмутивших, поклонившихся им на ноги братьев и сестер Малеевых Владимира, Василия, Валентина, Надежды и старшей, Ирины. Помимо этого из них уже большие двух десятилетий. Все они получили высшее образование, работают. Владимир и Василий — токари, Валентина — инженер-конструктор, Надежда — мастер, Ирина — техник рыбной промышленности.

Спонсоры за судьбу своих детей отец и мать Малеевых. Они уже тепло помнят и любят. Живут Малеевы сейчас в Нальчике, в том же доме № 10 по улице Свободы.

П. МАКРУШЕНКО

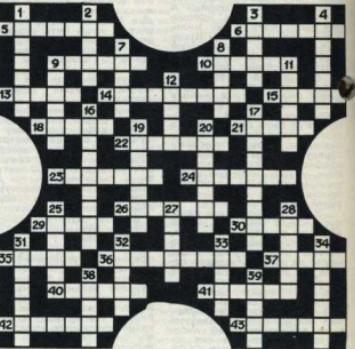
На снимках: Ирина, Надежда, Валентина, Владимир, Василий.

КРОССВОРД «СПОРТИВНЫЙ»

Составил Р. НИКОЛЬСКИЙ.

По горизонтали:

- Французская газета, на странице которой ежегодно проводится кросс. 2. Спортомен. 3. Члены спортивного общества. 4. Участник конно-спортивного соревнования. 5. Тяжеловес. 6. Спортивная игра. 7. Национальное спортивное общество. 8. Часть года, подходящая для занятий спортом. 9. Ученическая тема диктанта при беге. 10. Вратарь-шансонье. 11. Национальный праздник. 12. Спортивный общественный союз. 13. Тяжеловес. 14. Спортивный общественный союз. 15. Национальный праздник. 16. Членов занятых в спорте. 17. Футболистка. 18. Страница в газете. 19. Страница в команде. 20. Коллектив спортсменов. 21. Безмотылевский легионер. 22. Атлет. 23. Одна из самых интересных и сложных видов спорта. 24. Примера лежкости теннисистки. 25. Безмотылевский легионер. 26. Высокий прыжок верхом на коне. 27. Атлет. 28. Один из приемов защиты в настолической игре. 29. Спортивный общественный союз. 30. Спортивный общественный союз. 31. Спортивный общественный союз. 32. Защищительная часть спортивного общественного союза. 33. Удар в спортивной игре. 34. Спортивная русская игра. 35. Спортивные прыжки для альпинистов. 36. Спортивный спарад для альпинистов.

«ДАЛЬНОЗОРКОСТЬ» и «БЛИЗОРОУКОСТЬ»

Рисунок Л. и Ю. Черепановых.

Первая страница обложки: «Онги». Картина А. Рыбачук. Международная выставка изобразительного и прикладного искусства в Москве, в дни фестиваля. Четвертая страница обложки: Осеню. Фотоэтюд А. Становова.

Редколлегия: Г. Гулин, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, М. Луконин.

Технический редактор В. Пархоменко.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-34-24. А 09113. Подписано к печати 28/IX 1957 г. Тираж 300 000 экз.

Изд. № 1160.

Заказ № 2426

Формат бумаги 70×108%.

1,75 руб. л.-4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Коммунисты

Слова А. ФИЛАТОВА.

Музыка В. БОРИСОВА (г. Новосибирск)

Обработка В. СЕРЕЖНИКОВА.

В темпе марша

Вда́ль, где
за рев. вом не бо объя́то,
от Рогожской заста́вы, в пыли,
за сво-
бо. ду наро да ког да то коммунисты на каторгу шли.
за сво-
бо. ду наро да ког да то коммунисты на каторгу шли.
ноя!

Рис. В. Орлова.

Вда́ль, где заревом небо объя́то,
От Рогожской заставы, в пыли,
За свободу народа когда-то
Коммунисты на каторгу шли.

Шли они в многоверстных

и в Москве и в сибирском kraю
Под расскаты кандалового звона
Пели гордую песню свою.

В казематах, в глубоком

подполье
Зрела битва рабочих за власть.

С несгибаемой ленинской волей
Всемародная воля слилась.

Коммунисты с их правдой святою
Повели нас на штурм за собой,
Все, что было их светлой мечтой,
Стали нашим светлой судьбой.

Не сочтешь нас, в боях
закаленных
И в труде окрыленных страной,
И когда бы ни шли мы в колоннах,
Коммунисты всегда — в головной!

Цена номера
2 руб.

